

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

Крещение Руси в современной отечественной исследовательской
историографии

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

96,98 % авторского текста

Работа рецензирована к защите

«9» 02 2026 г.

зав. кафедрой истории и права

Коршунова Н.В.

Выполнил:

Студент группы ЗФ-324-269-2-1

Вафин Артем Александрович

Научный руководитель:

д.и.н., профессор кафедры
отечественной истории и права

Уваров Павел Борисович

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	Ошибка! Закладка не определена.
ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПРЕДЫСТОРИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ. (IX-СЕРЕДИНА X ВВ.)	7
1.1 Дискуссия о Аскольде и Дире как о первых христианских князьях языческой Руси	8
1.2 Роль княгини Ольги в формировании предпосылок к христианизации Руси	17
Выводы по первой главе	Ошибка! Закладка не определена.
ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ «ВЫБОРА ВЕРЫ» КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ Ошибка! Закладка не определена.	
2.1 Историческое и идеологическое значение похода на Корсунь	Ошибка! Закладка не определена.
2.2 Деконструкция летописного сюжета о «Выборе веры» в трудах современных историков	46
2.3 Сакральный и политический образ Владимира Святого в современной историографии	56
Выводы по второй главе	59
ГЛАВА 3. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РУСИ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	60
3.1 Дискуссия о логике становления митрополий и епархий	62
3.2 Феномен двоеверия на Руси	66
Выводы по третьей главе	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	72
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	74

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования: Крещение Руси, традиционно выступающее ключевым событием отечественной истории, на протяжении веков оставалось объектом напряженного историографического внимания. Однако рубеж XX–XXI веков ознаменовался для отечественной науки уникальной ситуацией двойного кризиса и двойного прорыва. С одной стороны, произошел окончательный методологический и идеологический кризис советской парадигмы, сводившей христианизацию к «феодалной реформе» и отрицавшей самостоятельную роль религиозного фактора и личности князя Владимира. С другой стороны, последовал источниковедческий и междисциплинарный прорыв, связанный с активным введением в оборот новых данных археологии, сфрагистики, нумизматики, лингвистики, а также с углубленным критическим переосмыслением всего корпуса письменных источников. В этих условиях за последние три десятилетия сформировалась качественно новая, плюралистическая и комплексная исследовательская парадигма, требующая собственного историографического осмысления.

Актуальность данного исследования определяется потребностью систематизировать огромный массив разрозненных публикаций последних лет, выявив в них не случайный набор мнений, а устойчивые дискурсивные линии, научные школы и полемические поля.

Кроме того, существует потребность в определении гносеологических оснований современных взглядов на феномен христианизации Руси. Отход от формационного подхода, осуществленный к концу XX века позволяет взглянуть на Крещение Руси как на геополитическое, культурно-антропологическое и цивилизационное явление. Анализ историографии трех последних десятилетий позволяет понять преемственность и разрыв с предшествующей историографической традицией. Изучив

исследовательские работы последних лет, возникает возможность определить смещение акцентов, которые неизбежно должны произойти ввиду многообразия гносеологических подходов к процессу христианизации. На видное место выходит целый ряд сюжетов, которые ранее могли быть малоизучены или обретают новую трактовку. Так, в работах А.И. Айбабина, М.А. Артамоновой и П.И. Гайденоко укрепляется взгляд на христианизацию в 988 году, как на процесс, происходящий на куда более плодородной почве, чем принято считать. Изучение «крещения Аскольда и Дира» в трудах Д.М. Буланина, Д.М. Калынюк и Н.И. Петрова и, особенно, миссии княгини Ольги, освещенные в работах А.Д. Белоусовой, К.К. Вахрушевой и О.К. Грязновой как самостоятельных значимых этапах дает возможность расширить хронологические рамки христианизации. Это позволяет расширить пределы фокуса внимания историков за пределы личности князя Владимира I.

Без такого масштабного историографического синтеза невозможно адекватно оценить текущее состояние знания о крещении Руси и определить векторы его дальнейшего развития. Настоящая работа призвана выполнить эту роль, представив многоаспектный взгляд на процесс христианизации Руси.

Отказавшись от социально-экономического редукционизма, современная историография, представленная трудами Р.В. Кауркина, А.Н. Полякова и А.В. Сазанова поместили крещение в контекст сложной международной дипломатии и борьбы за влияние в Восточной Европе. Исследования русско-византийских договоров в работах М.В. Бибикова, Корсунского похода, отношений с Хазарией, Болгарией и Западной Европой позволяют предпринять попытку реконструкции крещения как поэтапного геополитического выбора, определившего цивилизационную ориентацию Руси. Историографический анализ этой «внешнеполитической» составляющей крайне важен для понимания современных трактовок мотивов Владимира.

Еще одной сложной темой, которая может быть раскрыта в ходе анализа современной историографии является вопрос сложностей христианизации Руси как продолжительного процесса. Черты длительности и проблемности процесса мы можем увидеть в порядке и масштабах епархиальной организации Руси. Кроме того, процесс смены веры в условиях мировоззренчески маломобильного средневекового общества Руси проявляется в феномене «двоеверия», который сегодня в трудах А.В. Ворохобова, А.В. Демидовой и А.А. Лушников. трактуется не как конфликт, а как многовековой диалог и синтез культур, как этап формирования «народного христианства». Таким образом, анализ современной отечественной историографии позволит нам по-новому взглянуть как на процесс христианизации, так и на роль личностей в данном процессе. Кроме того, становится возможным определить тенденции современной науки, зафиксировать разрыв или продолжение историографических тенденций.

Объектом исследования являются отечественные исторические исследования, опубликованные в период 1991-2025 гг. Обозначенные хронологические рамки обусловлены желанием определить актуальное состояние изученности вопроса Крещения Руси.

Предметом исследования наиболее часто освещаемые в научной литературе дискуссионные проблемы, научные концепции и тенденции в современной отечественной историографии, связанные с интерпретацией предпосылок, обстоятельств и последствий крещения Руси.

Целью данной магистерской диссертации является проведение комплексного историографического анализа, направленного на выявление, систематизацию и оценку основных направлений, ключевых дискуссий и методологических тенденций в изучении крещения Руси в современной отечественной историографии в период 1991-2025 гг.

Достижение поставленной цели требует реализации следующих **задач**: проанализировать и систематизировать подходы современной историографии к ревизии предшествующих этапов изучения крещения Руси (дореволюционного и советского).

Выявить и сопоставить основные современные концепции, трактующие предпосылки и ранние этапы христианства на Руси (крещение Аскольда и Дира, миссию княгини Ольги).

Изследовать ключевые дискуссии в современной науке вокруг фигуры князя Владимира, причин «выбора веры» и политического контекста крещения (Корсунский поход, отношения с Византией).

Характеризовать современные трактовки процесса длительной христианизации Руси, включая проблемы организации церковной структуры и феномена «двоеверия».

Обобщить основные тенденции и методологические новации современной историографии крещения Руси.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1991-2025 года. Они охватывают новейший этап отечественной истории, соотносимый с существованием Российской Федерации. Это время политического и идейного многообразия, потенциально реализуемого и в методах исследования поставленной темы. Кроме того, процесс оформления новой национальной идеи может стать причиной к ревизии значимых событий прошлого, каким является Крещение Руси.

Методологической основой исследования является сравнительно исторический метод, в особенности его системная историографическая составляющая.

ГЛАВА 1. СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПРЕДЫСТОРИИ КРЕЩЕНИЯ РУСИ. (IX- СЕРЕДИНА X ВВ.)

Для современной исторической науки вопрос Крещения Руси является одним из перспективных направлений исследовательской работы. С сменой вектора политического развития неизбежно встает вопрос о центральных исторических событиях, формирующих Россию как цивилизацию. Фундаментальные основания для самоопределения ряд историков ищет в моменте формирования Руси как государства.

Традиционно хронологически выделяемый историками период Древнерусского государства IX-XII вв. – один из самых спорных в отечественной истории из-за ограниченного количества исторических источников, вокруг которых можно выстраивать бесконечное количество версий происходивший процессов.

Вместе с крушением Советского Союза открылась возможность для использования альтернативных формационному методов исторического исследования. Отсутствие государственной идеологии сделало возможным по-новому интерпретировать классические источники.

Одним из примеров может быть переосмысление антиязыческой литературы. Комплекс аутентичной антиязыческой литературы, представляющей собой тексты, развенчивающие язычество с позиции

М
О
Н
О
Т
Е

И

Памятники российской словесности XII в. / под ред. А. В. Калайдовича. – М. : Тип. С. Селиванского, 1821. – С. 3.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. – М., 1913–1916. Т. 1–2.

М
А

лингвистическими, с другой стороны, основной массив письменных источников был добыт еще в XIX в., и их изучение носило уже интерпретационный характер.³ Современная историография, лишенная рамок формационного подхода, рассматривает данный вопрос в разных направлениях. Крупнейшие исследования здесь предпринимают Л. С. Клейн⁴ и В.Я. Петрухин⁵, критикующие системный подход видного советского исследователя Б.А. Рыбакова.

Современные исследователи предпринимают попытки тщательной систематизации исторических сочинений, созданных их предшественниками. Так работами по историографии, открывающими развитие вопроса о Крещении Руси, можно назвать статью К.К. Вахрушевой⁶, обобщающую исследования фигуры княгини Ольги в отечественной историографии второй половины XVIII – первой половины XIX века, сравнение подходов советских историков в труде О.В. Метель⁷,

а
н Наше исследование современная историография о предпосылках и предыстории Крещения Руси. (IX-середина X вв.) концентрируется вокруг событий, привлекающих наибольшее внимание современных авторов статей в научных журналах.

з

искуссия о Аскольде и Дире как о первых христианских князьях языческой Руси.

о

³ В Лушников А. А. Антиязыческие произведения XI- XIII веков как разновидность дидактической литературы в Древней Руси // Вестник БГУ. 2016. №4 (30). – с.88

⁴ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб. : Евразия,

⁵ С Белова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. – М. : Наука, 2008.

⁶ М Вахрушева К.К. (г. Ижевск). Княгиня Ольга в отечественной историографии второй половины XVIII — первой половины XIX века - Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 28-29 ноября 2017 г. -Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2018

⁷ Метель Ольга Владимовна Проблема происхождения христианства в советской историографии 1940-х годов: взаимодействие «Старых» и «Новых» классиков // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012.

№3 (20).

Нязнова О. А. Современная отечественная историография о проблеме крещения княгини Ольги: традиция и новаторство // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2014. № 3. С. 9–14

О

Г

О

Первым малоизвестным фактом проникновения этой религии на Русь многие историки считают Фотиево Крещение, датируя его от 862 до 866 года включительно. Данное событие связано с походом Аскольда и Дира (предположительно, именно этих двух князей), которые совершили военный набег на Константинополь в этот период. Если чуть конкретизировать дату, то будет уместным сослаться на Рыбакова, который смог доказать, что в это время русы совершили три похода на Царьград – в 860, 866 и 874 годах. Исходя из византийских источников, сегодня обычно констатируют⁹, что это был поход 866 года. Аскольд и Дир застали наводнение на Черном море, однако греки смогли получить из этого выгоду, не считая обороны города. Дело в том, что в Константинополе в период осады поднимали свою верховную икону, надеясь на ее помощь. Греческие иерархи воспользовались ситуацией, подняв икону над крепостной стеной именно в момент наводнения, из-за чего в глазах русов все выглядело так, что именно Бог греков спас их. После этого Фотий, патриарх Константинополя, вступил в диалог с русами и обратил их в христианство. С точки зрения Аскольда и Дира, тем самым они получили силу, которая могла помочь им во время походов, а для греков факт Фотиева крещения означал, что русы попали в сферу влияния Византии, а василевс считал народы, введенные в православие греками, своими подвластными народами.

Вопрос о факте крещения Аскольда и Дира и формирования предпосылок к последующей полномасштабной христианизации Руси освящен в статье В.Н. Вербиной «К вопросу о влиянии Аскольдова к

р В статье рассматривает малоизученный аспект ранней христианизации Руси, связанный с крещением князя Аскольда.

щ

€

Русская церковь в IX -- первой трети XII в. Принятие христианства. - Издание 2-е, исправленное и дополненное. - М.: "Русская панорама", 1998. – 416 с. – С.76-88

Вербина В. Н. Название статьи // Эволюция российского права: материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 135–142.

я

н

Исследование посвящено анализу того, как принятие христианства отдельными представителями древнерусской элиты способствовало формированию государственной структуры и укреплению политической власти на раннем этапе существования Киевской Руси. Цель статьи заключается в выявлении причинно-следственных связей между Аскольдовым крещением и последующими процессами государственного строительства, включая деятельность княгини Ольги, Святослава и князя Владимира. Особое внимание уделяется переосмыслению традиционной точки зрения, согласно которой первый массовый акт христианизации Руси связывают исключительно с князем Владимиром, что, по мнению автора, умаляет роль Аскольда как инициатора религиозной и политической реформы.

Для достижения поставленной цели Вербина использует широкий круг источников, включающий древнерусские летописи, такие как Иоакимова летопись, «Повесть временных лет», Никоновская и Густинская летописи, а также Киевский Синописис. Кроме того, автор опирается на византийские источники, включая гомилии патриарха Фотия и энциклики, а также на публикации XIX–XX вв. - работы Татищева, Семеновского и других исследователей. Использование разнообразных источников позволяет проследить эволюцию восприятия Аскольдова крещения в исторической традиции и выявить несоответствия между древними текстами и позднейшими интерпретациями. Методологической основой исследования является историко-критический подход, включающий анализ достоверности источников, сопоставление летописей и современных исследований, а также выявление причинно-следственных связей между религиозными событиями и процессами формирования государственной власти.

Основной тезис статьи заключается в том, что Аскольд сыграл ключевую роль в ранней христианизации Руси и в формировании элементов государственной структуры. Автор утверждает, что крещение князя было

добровольным, а не принудительным актом со стороны Византии, что подчеркивает политическую самостоятельность Аскольда и его способность принимать стратегически важные решения для укрепления Киева и международного признания государства. Статья опровергает традиционное представление о Владимире как единственном инициаторе христианизации, показывая, что князь лишь завершил процесс, начатый Аскольдом, а влияние Ольги и Святослава на распространение христианства является продолжением уже существующей тенденции.

Особое внимание уделяется влиянию Аскольдова крещения на формирование государственности, отличая понятия «государство» и «государственность». Автор подчеркивает, что государственность представляет собой качественную характеристику общества, включающую устойчивость, социальную организацию, религиозную и культурную преемственность, тогда как государство выступает как историческая форма реализации этой характеристики. В статье приводятся аргументы в пользу того, что уже при Аскольде существовали элементы государственного устройства: организованная защита от внешних врагов, общая религия, элементы социального разделения и международное признание через дипломатические контакты с Византией.

Научная новизна работы заключается в переоценке роли Аскольда как раннего носителя христианства и политического деятеля, а также в систематизации источников и выявлении преемственности исторических процессов, связанных с христианизацией Руси. Автор критически анализирует древние летописи, демонстрирует несоответствия и фальсификации поздних редакций «Повести временных лет», которые приписывали первенство в принятии христианства Владимиру, и показывает, что Аскольдово крещение имело долговременные последствия для религиозного и политического развития Киевской Руси.

Достоинствами исследования являются широкая источниковая база, критический подход к интерпретации данных, системное рассмотрение

политических, религиозных и международных аспектов, а также прослеживание цепи исторических событий от Аскольдова крещения до всеобщей христианизации при Владимире. Среди ограничений можно отметить отсутствие археологических данных и ограниченную экономическую характеристику раннерусского общества, что несколько сужает аналитический фокус исследования.

Таким образом, статья Вербиной представляет собой качественное историко-критическое исследование, которое вносит значимый вклад в современную историографию Крещения Руси. Она позволяет переосмыслить роль отдельных личностей в ранней христианизации, демонстрирует преемственность исторических процессов и обосновывает значимость Аскольдова крещения для формирования элементов древнерусской государственности. Данное исследование является ценным источником для дальнейшего анализа историографии и служит отправной точкой для обсуждения вопроса о предпосылках и предыстории Крещения Руси, что непосредственно переходит к рассмотрению современных подходов к изучению раннего периода формирования государства и религиозной идентичности на территории Киевской Руси.

Еще одним исследованием, посвященным фигурам Аскольда и Дира является труд Д.М. Калынюк «Крещение Аскольда и Дира и его роль в политической борьбе на Руси во второй половине IX века»¹¹

Статья представляет собой попытку комплексного изучения малоизученного аспекта ранней истории Руси - религиозной деятельности князей и её влияния на внутреннюю политическую динамику. Автор акцентирует внимание на том, что историография первых десятилетий жизни Русского государства традиционно сосредотачивается на политических и военных событиях, уделяя ограниченное внимание

11

Калынюк Д. М. Крещение Аскольда и Дира и его роль в политической борьбе на Руси во второй половине IX века // Потемкинские чтения: материалы VI Международной научной конференции. – Севастополь, 2022.

религиозному измерению правления князей. Это позволяет статье занять важное место среди исследований, стремящихся связать политическую и религиозную историю ранней Руси, и формирует её ключевую научную проблематику - выяснить, как христианский выбор Аскольда и Дира повлиял на политическую борьбу того периода.

Методологически работа опирается на сравнительный анализ письменных источников византийского и славянского происхождения. Калынюк активно использует свидетельства патриарха Фотия о походе русов на Константинополь в 860 году, а также материалы «Повести временных лет», чтобы реконструировать обстоятельства крещения киевских князей. Автор тщательно описывает хронологию событий, передаваемую византийскими источниками, включая чудесное вмешательство Богородицы, что стало причиной снятия осады и последующего запроса русов на крещение. Такой подход позволяет связать конкретные события с их религиозным контекстом, показывая, что крещение Аскольда и Дира не было случайностью, а носило системный характер и имело политические последствия.

Особое внимание в статье уделено историографическому анализу. Калынюк рассматривает позиции В.О. Ключевского, В.Н. Татищева, С.М. Соловьева и М.Ю. Брайчевского, систематизируя их мнения о значении крещения и роли князей в становлении Руси. Автор корректно отмечает, что источники, такие как Иоакимова летопись, имеют спорное авторство и датировку, но при этом могут базироваться на древних новгородских летописях. Такая работа с источником показывает внимательное отношение к проблеме исторической достоверности и критическую оценку традиционных интерпретаций.

Статья также содержит убедительный анализ причин убийства Аскольда, связывая его с религиозной консервативной реакцией киевского общества. Калынюк использует концепции В.Г. Татищева и М.Ю. Брайчевского, которые трактуют события 882 года не как внешнее

завоевание, а как государственный переворот, обусловленный противостоянием язычества и христианства. Такая интерпретация позволяет рассматривать крещение Аскольда как ключевой фактор, оказавший влияние на политическую борьбу, что добавляет исследованию глубину и новизну, так как традиционные исследования в основном фокусируются на военных и династических аспектах.

Сильной стороной статьи является четкая связь анализа источников с формулировкой исследовательской проблемы. Автор аргументированно показывает, что религиозный выбор князей не только отражал их личные убеждения, но и становился элементом политической стратегии и источником внутреннего конфликта. Это делает работу примером интеграции политической и религиозной истории, а также историографическим обзором, который демонстрирует развитие научной мысли о роли Аскольда и Дира в раннерусской истории.

Некоторые ограничения статьи связаны с тем, что акцент сделан преимущественно на текстуальных источниках, без привлечения, например, археологических или материальных данных, которые могли бы дополнительно подтвердить религиозные практики русов и уровень влияния христианства на Киевскую Русь IX века. Также, хотя статья опирается на работы классиков отечественной историографии, не проводится детальная критика современных исследований или зарубежных источников, что могло бы расширить рамки анализа и добавить сравнительный аспект.

Последней из рассматриваемых нами работ стала статья Н. И. Петрова «О христианском имени киевского князя Аскольда»¹² представляет собой историко-источниковедческое исследование, посвящённое критическому анализу гипотезы о том, что Аскольд при крещении получил имя Николай. Автор сосредотачивается на оценке достоверности этой догадки, прослеживая её историографическую традицию с XVIII века до

¹²

Петров Н. И. О христианском имени киевского князя Аскольда // Вестник СПбГУКИ. – 2011. – № 12. – С. 169–177.

современности, и детально рассматривает источниковую базу, на которой строились различные версии. Центральным вопросом статьи является оценка исторической ценности летописных сведений и последующих интерпретаций о Никольском храме на Аскольдовой могиле, который традиционно связывается с крещением князя. Петров указывает, что идея об Аскольде-Николае впервые была высказана В. Н. Татищевым в XVIII веке и базировалась исключительно на посвящении храма святому Николаю, при этом предполагаемое строительство церкви относится к концу XI века, что делает связь с самим князем хронологически сомнительной. В статье прослеживается эволюция этой гипотезы: от первых догадок Татищева, который считал Аскольда возможным «первым мучеником Руси», через критику Н. М. Карамзина, М. Ф. Берлинского и митрополита Евгения (Болховитинова), сомневавшихся в любом основании для присвоения князю христианского имени, до XIX и XX веков, когда идея получила развитие в краеведческих и церковных публикациях.

Автор особенно подробно анализирует источники XVII–XVIII веков, включая Иоакимовскую летопись и Киевский синопсис, отмечая, что данные о строительстве Никольской церкви и упоминание ктитора Олмы скорее отражают историко-литературные представления летописцев и редакторов, чем реальные события IX века. Петров демонстрирует, что Иоакимовская летопись, часто используемая сторонниками гипотезы Аскольд-Николай, является поздней компиляцией с элементами художественного украшения материала, и, следовательно, не может служить надёжной основой для реконструкции ранней истории Киева. Особое внимание уделяется вопросам датировки: строительные работы на Аскольдовой могиле соотносятся с XI веком, в то время как события, связанные с князем, относятся к 882 году. Также автор рассматривает погребальные традиции эпохи и социальный статус погребений, показывая, что размеры могил Аскольда и Дира не соответствовали бы возведению

монументальных сооружений в IX веке, а существовавшие курганы в конце XI века могли восприниматься лишь как ориентиры урочища.

Статья Петрова отличается системностью и критическим подходом к историографии. Автор не ограничивается только изложением источников, но проводит их сопоставление, выявляет хронологические и логические несоответствия, показывает влияние интерпретаций XVIII–XIX веков на последующее формирование исторической традиции, а также анализирует попытки связывать христианство Аскольда с более поздними религиозными и политическими нарративами. Особое место занимает разбор идей позднейших исследователей, таких как М. Ю. Брайчевский и О. М. Рапов, которые пытались объяснить строительство храма в XI веке как память о князе-христианине, несмотря на отсутствие прямых свидетельств о его крещении.

Статья Петрова представляет собой пример качественного историко-источниковедческого исследования, которое демонстрирует, как критический анализ источников, внимательное сопоставление текстов и изучение историографической традиции позволяют отделить исторические факты от позднейших интерпретаций и догадок. Автор считает, что нет убедительных оснований утверждать, что Аскольд получил имя Николай при крещении, и что посвящение Никольской церкви следует рассматривать скорее как проявление памяти о князе или ктиторовское имя строителя, а не как свидетельство раннего христианства Аскольда.

Сравнительный анализ статей В. Н. Вербиной, Д. М. Калынюка и Н. И. Петрова позволяет проследить разные подходы к проблеме крещения киевских князей Аскольда и Дира и оценить их историко-политическое и источниковедческое значение.

Статья В. Н. Вербиной делает акцент на политическом аспекте крещения Аскольда, рассматривая его как фактор, способствовавший укреплению централизованной власти в Киеве и интеграции Руси в византийскую цивилизацию. Автор анализирует события IX века через

призму формирования древнерусской государственности и подчёркивает, что принятие христианства могло повышать легитимность княжеской власти и облегчать дипломатические отношения с Византией.

Д. М. Калынюк в своей работе рассматривает крещение Аскольда и Дира более узко, как элемент политической борьбы внутри киевской элиты. Он анализирует источники и делает вывод, что обращение к христианству могло быть не столько духовным выбором, сколько инструментом политического давления на соперников и укрепления позиций в условиях конкуренции с другими княжескими родами. Калынюк подчёркивает связь крещения с конкретными событиями IX века и возможное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Руси.

Н. И. Петров сосредотачивается на источниковедческом аспекте, критикуя гипотезу о том, что Аскольд получил христианское имя Николай. Он показывает, что данная версия опирается на поздние источники и археологические интерпретации, а не на летописи, и указывает на необходимость осторожного подхода к реконструкции ранней истории Руси. Статья Петрова подчёркивает методологическую проблему отделения исторических фактов от поздней традиции и мифологизации личности Аскольда.

Ольга княгиня Ольги в формировании предпосылок к христианизации Руси

Одним из устоявшихся столпов в христианизации Руси IX-середины X вв. восприятию является образ княгини Ольги. Описание её исторической роли и места в русской истории даёт А. Лозовский в статье «Крещение княгини Ольги и ее деятельность по распространению христианства на Руси»¹³. Благоверная княгиня Ольга, при рождении Прекраса, а в святом

крещении Елена, была супругой русского князя Игоря Рюриковича (ок. 878-945). Преподобный Нестор местом родины ее считает Псков, а позднейшие историки-летописцы рассказывают о происхождении св. Ольги несколько подробнее: она была внучкой Гостомысла (ум. ок. 860 г.), одного из изборских князей-славян, родилась в 883 г. и жила в области, называемой Выбутою, близ Пскова.

Современные отечественные исследователи посвятили месту княгини Ольги в процессе христианизации Руси целый ряд статей. Подробный обзор исторических сочинений, посвященных княгине Ольге во второй половине XVIII – первой половине XIX века даёт К.К. Вахрушева в своей статье «Княгиня Ольга в отечественной историографии второй половины XVIII – первой половины XIX века»¹⁴. В статье К. К. Вахрушевой рассматривается образ княгини Ольги в трудах отечественных историков второй половины XVIII – первой половины XIX в., то есть в период становления российской исторической науки. Автор ставит задачу проследить, каким образом первые профессиональные историки интерпретировали ключевые сюжеты, связанные с правлением Ольги, и какие методологические установки определяли их подход к источникам.

Исследование строится по хронологическому принципу и охватывает труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого и Н. С. Арцыбашева. Такой подбор персоналий представляется обоснованным, поскольку именно эти авторы заложили основы критического осмысления древнерусской истории и сформировали историографическую традицию, во многом определившую последующие дискуссии. В центре внимания Вахрушевой оказываются три ключевые проблемы: происхождение княгини Ольги, характер и историческая

(Лозовский), иеромонах // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2016. – С. 386-401. – Рез. англ. – Библиогр. : с. 400- 401.

¹⁴

Вахрушева К. К. Княгиня Ольга в отечественной историографии второй половины XVIII – первой половины XIX века // Европа в средние века: Общество. Власть. Культура : материалы Всероссийской с международным участием конференции молодых ученых. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2017.

достоверность летописного рассказа о мести древлянам, а также обстоятельства и датировка её крещения.

Анализируя труды В. Н. Татищева, автор подчёркивает его зависимость от летописной традиции, прежде всего от «Повести временных лет», при одновременной попытке расширить её за счёт привлечения так называемой Иоакимовской летописи. Вахрушева фиксирует характерную для Татищева тенденцию к реконструкции знатного происхождения Ольги (версия о её родстве с Гостомыслом), что отражает стремление ранней историографии придать древнерусской государственности более упорядоченный и легитимный характер. В вопросе крещения Татищев, по наблюдению автора статьи, акцентирует прежде всего религиозный мотив, объясняя обращение княгини её личным духовным выбором.

В трактовке М. В. Ломоносова Вахрушева отмечает большую литературную обработанность повествования и одновременно первые попытки критического отношения к отдельным эпизодам летописного рассказа, в частности к сюжету о сватовстве византийского императора. Вместе с тем Ломоносов, как показывает автор статьи, в целом сохраняет доверие к летописной канве, не подвергая сомнению основные события, включая месть древлянам.

Важным шагом в развитии историографической традиции Вахрушева считает труды М. М. Щербатова, который расширяет круг источников, обращаясь, в частности, к западноевропейским хроникам. При этом он сохраняет традиционную датировку крещения Ольги (955 г.) и допускает возможность сватовства императора, хотя и с оговорками. Анализируя позицию Н. М. Карамзина, автор статьи подчёркивает его более выраженный критицизм по отношению к летописному «баснословию» и стремление отделить историческое ядро от фольклорных наслоений. Карамзин уже обращается к византийскому трактату «О церемониях», что свидетельствует о расширении источниковой базы и постепенном переходе к более комплексному источниковедческому анализу.

Н. А. Полевой и Н. С. Арцыбашев, по оценке Вахрушевой, демонстрируют дальнейшее развитие критического подхода. Они обращают внимание на политический контекст крещения Ольги, в том числе на её контакты с Оттоном I, что позволяет рассматривать христианизацию не только как акт личного благочестия, но и как элемент внешнеполитической стратегии. Особенно показательное обращение к западным источникам и попытка сопоставления русской и византийской традиций, что свидетельствует о постепенном усложнении исследовательского инструментария.

В целом автор приходит к выводу, что для историографии рассматриваемого периода характерно сочетание безусловного авторитета летописной традиции с первыми шагами критического анализа. Большинство историков ещё не ставят под сомнение саму структуру летописного повествования и, как правило, воспринимают крещение Ольги преимущественно в религиозно-нравственном измерении, не акцентируя в полной мере политические и социальные факторы. Вместе с тем уже в этот период намечаются линии дискуссии, которые получают развитие в последующей историографии: проблема датировки крещения (955 или 957 г.), вопрос о степени достоверности рассказа о мести древлянам, а также оценка дипломатической активности княгини.

Развитие исторической мысли в отношении роли княгини Ольги в христианизации Руси даёт А.Д. Белоусова в своей статье «Вопрос о

р
е
л
и
г
и
о

15

Белоусова А. Д. Вопрос о религиозной деятельности княгини Ольги в советской и современной историографии // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». – 2023. – № 3 (50). – С. 33–38.

Н

о

й

различных источников и сопоставлением византийских, древнерусских и западноевропейских свидетельств, - то в первые десятилетия советской власти религиозная составляющая деятельности княгини была существенно маргинализована.

В 1920–1940-е гг. в рамках господствующей марксистской парадигмы религиозные вопросы рассматривались преимущественно как производные от социально-экономических процессов. Соответственно, проблема крещения Ольги и её церковной политики интерпретировалась как элемент внешнеполитической стратегии или как надстройка над формирующимися феодальными отношениями. В этом контексте характерна позиция М.В. Левченко, который рассматривал визит Ольги в Константинополь прежде всего через призму торгово-дипломатических интересов. Состав делегации, включавший купцов, позволил исследователю сделать вывод о приоритетности экономических задач. Религиозный акт - крещение - трактовался как часть более широкого комплекса дипломатических шагов, направленных на укрепление связей с Византией. При этом обращение к Оттону I объяснялось не столько конфессиональными колебаниями, сколько поиском альтернативных политических партнёров.

Сходную рационализацию религиозного фактора демонстрирует Б.Я. Рамм, анализируя миссию Адальберта и возможную попытку внедрения римской церковной организации на Руси. В его интерпретации религиозный вопрос оказывается тесно связанным с проблемой политической борьбы и внутренней нестабильности, а возможное противодействие католической миссии - с социально-политическими процессами в Киеве. Тем самым религиозная деятельность княгини включается в контекст борьбы за власть и внешнеполитического маневрирования.

Б.А. Рыбаков, развивая тему древнерусской дипломатии, также стремился демифологизировать летописные сюжеты, рассматривая рассказы о сватовстве императора и крещении из его рук как литературную обработку событий. Он выдвинул гипотезу о возможном киевском крещении

Ольги до её поездки в Константинополь и подчеркнул её прагматический подход к выбору между Константинополем и Римом. Религиозный выбор в его трактовке не исключал идеологической мотивации, но подчинялся интересам укрепления государственности.

Особое место занимает концепция Л.Н. Гумилёва, который связал крещение Ольги с необходимостью поиска союзника в условиях давления Хазарского каганата и сложной внешнеполитической обстановки. В его реконструкции религиозный шаг княгини выступает элементом геополитической стратегии. Вопрос датировки крещения он решал через сопоставление летописных данных и хронологических расчётов, что отражает характерный для позднесоветской науки интерес к междисциплинарному анализу.

Качественный поворот в разработке проблемы связан с трудами А.Н. Сахарова. В его исследованиях дипломатия и религиозная политика рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой государственной стратегии. Крещение Ольги интерпретируется не как случайный или сугубо личный акт, а как осознанный шаг правительницы, направленный на утверждение международного статуса Руси и выстраивание равноправных отношений с Византией. Сахаров аргументированно отстаивает датировку 957 г. и подчеркивает торжественный характер приёма княгини, тем самым опровергая версии о её «унижении» при византийском дворе. Обращение к Оттону I он трактует как дипломатический манёвр, призванный расширить международные контакты, но не как свидетельство намерения ввести на Руси западное христианство.

Н.Л. Пушкарёва, представляющая направление гендерной истории, внесла в проблему новый исследовательский ракурс. Она рассматривает религиозную деятельность Ольги в контексте формирования управленческой системы и идеологического обеспечения власти. Крещение интерпретируется как шаг, продиктованный потребностями укрепления государственной структуры и усиления легитимности власти

правительницы. Особое внимание уделяется вопросу о возможных двух визитах в Константинополь и сложной хронологии событий, что демонстрирует стремление к более тщательному источниковедческому анализу.

В постсоветский период проблема получила дальнейшее развитие. Р.Г. Скрынников сосредоточился на анализе западноевропейских источников, прежде всего немецких анналов, уточняя хронологию контактов с Оттоном I и миссии Адальберта. Его выводы подчеркивают сложность внутренней ситуации в Киеве и возможное сопротивление языческой знати христианизации. Л.Е. Морозова, опираясь на сопоставление византийских и западных источников, предприняла попытку реконструировать наиболее вероятную датировку визита и крещения, критически анализируя как версию о 946 г., так и гипотезу о позднем (959 г.) крещении. Её позиция демонстрирует высокий уровень источниковедческой рефлексии и стремление к устранению хронологических противоречий.

В современных публикациях усиливается внимание к комплексному рассмотрению проблемы: религиозный акт оценивается одновременно как личный выбор, идеологический жест и дипломатический инструмент. Авторы подчеркивают его влияние на дальнейшую христианизацию Руси, формирование международных связей и эволюцию политической культуры. При этом сохраняется дискуссионность по ключевым вопросам - датировке крещения, месту его совершения, характеру контактов с Римом и Византией. Таким образом, по мнению А.Д. Белоусовой, историография религиозной деятельности княгини Ольги прошла путь от идеологически ограниченных интерпретаций к многоаспектному и междисциплинарному анализу. Если в раннесоветский период религиозный фактор трактовался преимущественно как производный от социально-экономических процессов, то в позднесоветской и современной науке он рассматривается как самостоятельный и значимый элемент государственной политики. Эволюция подходов свидетельствует не только о расширении источниковой

базы и совершенствовании методологии, но и о признании ключевой роли религиозного выбора княгини Ольги в истории формирования древнерусской государственности и международного статуса Руси.

Анализ современной отечественной историографии в отношении роли княгини Ольги в вопросе христианизации Руси представлен в труде О.А. Грязновой «Современная отечественная историография о проблеме

к

р

е

щ

е

н

и

я

к

н

я

г Одной из ключевых проблем по мнению О.А. Грязновой остаётся вопрос локализации и датировки крещения. Наиболее распространённой в историографии является версия о крещении княгини в Константинополе в 957 г., связанная с описанием её визита к императору Константину VII Багрянородному. Однако наличие альтернативных дат (946 или 955 гг.), а также отсутствие прямого упоминания обряда крещения в сочинении самого императора стимулировали появление гипотез о более раннем принятии христианства, возможно, ещё до визита в Византию. В рамках данной дискуссии О.А. Грязнова обнаруживает различные интерпретации присутствия при княгине священника Григория и особенности

:

16

Грязнова О. А. Современная отечественная историография о проблеме крещения княгини Ольги: традиция и новаторство // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2014. – № 3.

Т

р

а

византийского церемониала, что свидетельствует о продолжающемся пересмотре традиционной версии.

Далее О.А. Грязнова анализирует современную историографию анализа политического контекста крещения. Так, Б.А. Рыбаков¹⁷ рассматривал принятие христианства Ольгой как элемент сложной дипломатической игры между Византией и Священной Римской империей, подчёркивая стремление княгини избежать церковно-политической зависимости от Константинополя. В его интерпретации крещение выступает не столько личным актом веры, сколько инструментом государственной стратегии, направленной на укрепление международного статуса Руси. Подобные наблюдения О.А. Грязнова обнаруживает в трудах А.В. Назаренко¹⁸, который, привлекая западноевропейские источники, убедительно доказывает достоверность сведений о посольстве Ольги к Оттону I и тем самым расширяет рамки исследования, выводя проблему из сугубо византийского контекста. Его вывод о независимом характере немецких анналистических свидетельств существенно укрепил позиции сторонников реальности миссии Адальберта и подтвердил активность Ольги в поиске альтернативных церковных связей.

В то же время ряд исследователей предлагает интерпретировать крещение княгини как акт преимущественно личного характера. Подобная позиция объясняет отсутствие немедленных масштабных последствий для религиозной жизни Руси и слабую институционализацию христианства в период её правления. Согласно этой точке зрения, Ольга не обладала достаточной политической опорой для радикального преобразования религиозной системы, а потому её крещение не переросло в государственную реформу. Данный подход акцентирует внимание на психологических и индивидуальных мотивах исторического деятеля, что

17

Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.:АиФ Принт, 2003. – 448 с.

Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

характерно для современной историографии, отказавшейся от прежних классовых интерпретаций.

Интересной особенностью современного этапа исследования О.А. Грязнова находит расширение круга гипотез о месте и обстоятельствах крещения. Помимо «византийской» версии, в историографии обсуждаются «болгарская», «моравская», «варяжская» и «киевская» гипотезы. Особенно показательной по мнению О.А. Грязновой в этом отношении является работа А.С. Королёва¹⁹, который стремится реконструировать политическую мотивацию княгини через анализ связей Руси с наследием Великой Моравии и предполагает, что крещение могло быть связано с борьбой за влияние в центральноевропейском регионе. Подобные концепции демонстрируют стремление исследователей выйти за рамки традиционной схемы «Византия – Русь» и рассмотреть проблему в более широком геополитическом контексте.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о единстве христианской церкви в X веке. Поскольку формальный раскол 1054 г. ещё не произошёл, возникает проблема оценки различий между восточной и западной традициями в восприятии современников. О.А. Грязнова обнаруживает, что часть исследователей полагает, что для языческого общества конфессиональные различия не имели принципиального значения, и выбор между Константинополем и Римом был прежде всего политическим. Другие, напротив, подчёркивают ранние проявления церковно-политического соперничества и видят в действиях Ольги попытку лавирования между двумя центрами христианского мира. В этом контексте миссия Адальберта рассматривается либо как свидетельство прозападной ориентации княгини, либо как дипломатический инструмент давления на Византию.

19

Королёв А.С. Загадки первых русских князей. – М.: Вече, 2002. – 480 с.

Таким образом, анализ современных исследований, проведенных О.А. Грязновой позволяет сделать вывод о сохранении высокого уровня дискуссионности проблемы крещения княгини Ольги. При разнообразии методологических подходов можно выделить несколько общих тенденций. Во-первых, происходит смещение акцента с констатации факта крещения на исследование его политического и культурного значения. Во-вторых, активно привлекаются западноевропейские источники, что способствует интернационализации научного дискурса и пересмотру устоявшихся представлений. В-третьих, наблюдается отход от идеологизированных интерпретаций советского периода и усиление внимания к личностному фактору, дипломатическим стратегиям и ментальным установкам эпохи.

Выходя за пределы историографических работ, прежде всего исследующих сформировавшуюся научную базу, стоит обратить внимание на исследовательские статьи. Одной из таких оказывается работа А.С. Королева «К вопросу об участии моравян в христианизации Руси во

р Статья посвящена проблеме участия моравян в христианизации русов. В XIX–XX вв. было распространено мнение о гибели Великой Моравии в ходе нашествия венгров в самом начале X в. Исходя из этого, преобладающим (если не единственным) считалось византийско-болгарское религиозное воздействие на Русь в X в. При внимательном изучении источников, на основании которых ранее была установлена датировка гибели державы моравян, выясняется, что их данные не следует трактовать столь определенно. А результаты археологических исследований и косвенные указания письменных источников позволяют усомниться в этой датировке и продлить раннюю политическую историю Моравии еще на несколько десятилетий. В то же время на территории Киевской Руси установлены факты присутствия моравян в первой половине X в. Все это

н _____
20 Королев А. С. К вопросу об участии моравян в христианизации Руси во времена княгини Ольги // Иалеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2021. № 2 (14). С. 6–36.

делает возможным их прямое участие в распространении здесь христианства. В ряде сочинений западославянских авторов XVI–XVIII вв. сообщается о русском князе второй трети X в., бежавшем из Руси в Моравию, спасаясь от преследований киевского князя. На новой родине знатный беглец начал играть заметную политическую роль, а потерпев поражение в борьбе с венграми, возвратился на Русь во время правления в Киеве Ольги, сделавшись ее ближайшим сподвижником. Эти данные, как будто раскрывающие пути проникновения на Русь моравской религиозной миссии, породили целую историографию.

А.С. Королев приходит к выводу о том, что скорее всего, история о участии моравов в крещении Руси является плодом фантазии сочинителей генеалогии знатного моравского рода Жеротинов, родоначальником которых был объявлен русский знатный беглец, что, однако, не означает необходимости отказаться от продолжения изысканий в отношении установления обстоятельств, при которых осуществлялось великоморавское религиозно-культурное влияние на Русь.

Проведённый анализ работ К.К. Вахрушевой, А.Д. Белоусовой, О.А. Грязновой и А.С. Королёва позволяет нам выявить как общие тенденции в изучении проблемы крещения княгини Ольги, так и существенные различия в исследовательских подходах, обусловленные как хронологическими рамками рассматриваемой историографии, так и методологическими установками авторов.

Прежде всего следует отметить различие уровней анализа. Работа К.К. Вахрушевой носит преимущественно историографический характер и направлена на реконструкцию образа княгини Ольги в отечественной исторической мысли второй половины XVIII – первой половины XIX века. В центре внимания автора находится не столько само событие крещения, сколько его интерпретация в трудах историков дореволюционного периода. Вахрушева показывает, что в ранней отечественной историографии образ Ольги формировался в контексте становления национальной исторической

науки и был тесно связан с идеей преемственности российской государственности и православной традиции. Крещение княгини рассматривалось преимущественно в религиозно-нравственном и государственно-дидактическом ключе, а её деятельность — как предвосхищение крещения Руси при Владимире. Тем самым автор демонстрирует, что уже в XVIII–XIX вв. закладывались устойчивые интерпретационные модели, оказавшие влияние на последующую научную традицию.

А.Д. Белоусова переносит исследование в плоскость сравнительного анализа советской и современной историографии. В её работе прослеживается эволюция оценок религиозной деятельности княгини Ольги от классово-идеологической трактовки к более комплексному, многомерному пониманию её политики. Советская историческая наука, как показывает автор, склонна была интерпретировать крещение прежде всего через призму социально-экономических процессов и интересов формирующегося феодального государства, сводя религиозный аспект к инструменту укрепления власти. В современной историографии, напротив, усиливается внимание к личностному фактору, дипломатическим мотивам и международному контексту. Белоусова фиксирует переход от жёсткой концептуальной схемы к плюралистическому подходу, в рамках которого допускается сосуществование различных гипотез относительно времени, места и характера крещения.

Работа О.А. Грязновой углубляет анализ современной отечественной историографии, акцентируя внимание на соотношении традиции и новаторства в трактовке проблемы. Автор подчёркивает, что, несмотря на появление новых источников и методологических подходов, сохраняется преемственность в постановке ключевых вопросов: где, когда и с какой целью была крещена княгиня, а также каково было значение её религиозного выбора для внешней политики Руси. Вместе с тем Грязнова отмечает существенное расширение проблемного поля: в исследования всё активнее

включается вопрос о единстве христианской церкви в X веке, о дипломатическом манёвре между Константинополем и Римом, о характере миссии Адальберта. Тем самым современная историография выходит за рамки узконационального контекста и рассматривает деятельность Ольги в общеевропейском измерении.

Наиболее концептуально насыщенной среди рассматриваемых работ является монография А.С. Королёва, в которой проблема крещения княгини Ольги анализируется в широком политическом и геополитическом контексте. В отличие от авторов историографических обзоров, Королёв предлагает собственную реконструкцию событий, привлекая альтернативные версии (болгарскую, моравскую и др.) и стремясь выявить стратегические цели княгини. Его подход характеризуется стремлением выйти за пределы традиционной «византийской» схемы и рассмотреть Русь как активного участника международных процессов Центральной и Восточной Европы. В центре внимания оказывается не только сам факт крещения, но и борьба за политическое наследие Великой Моравии, динамика русско-византийских и русско-германских отношений. Таким образом, Королёв представляет пример новаторской интерпретации, основанной на критическом переосмыслении источников и отказе от однозначных выводов.

Сопоставление данных работ позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Во-первых, в отечественной историографии наблюдается постепенный переход от нормативно-оценочного и конфессионально окрашенного восприятия фигуры княгини Ольги к аналитическому, междисциплинарному и сравнительному подходу. Во-вторых, происходит расширение источниковой базы и активное привлечение западноевропейских свидетельств, что способствует более взвешенной оценке миссии Адальберта и внешнеполитических инициатив княгини. В-третьих, современная наука отказывается от однолинейных объяснительных моделей и признаёт многовариантность интерпретаций, что отражает общий

плюралистический характер гуманитарного знания и отвечает обозначенной нами гипотезе о сдвиге в подходах и методах исследования обозначенной эпохи.

ГЛАВА 2. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ «ВЫБОРА ВЕРЫ» КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Крещение Руси является ключевым событием эпохи формирования древнерусского государства. Оно, безусловно, существенно повлияло на всю дальнейшую историю страны. Объективное изучение христианизации Древней Руси имеет не только научное, но и общенациональное значение. А потому исследование обстоятельств крещения неизбежно привлекало внимание отечественных историков. Степень раскрытости темы влияет на развитие национального самосознания и гражданское воспитание. В ряду событий, связанных с принятием Русью христианства, деятельность князя Владимира как актора, чьи действия привели к крещению Руси в 988 году, вызывает особый интерес. В этой главе мы ставим перед собой задачу рассмотреть современную отечественную историографию, посвященную обстоятельствам крещения князя Владимира и его дружины, причины выбора Владимиром православия и образ князя-крестителя, совершившего судьбоносное для истории России деяние.

2.1 Историческое и идеологическое значение похода на Корсунь

Поход князя Владимира на Корсунь²¹ (Херсонес) является одним из ключевых событий конца X века, оказавших значительное влияние как на политическое развитие Древнерусского государства, так и на формирование его религиозной и идеологической идентичности. В отечественной историографии данное событие традиционно рассматривается в тесной связи с крещением Руси, однако его значение выходит далеко за рамки исключительно религиозного акта. Корсунский поход стал важным

21

Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 1999.

элементом сложной системы дипломатических, военных и династических отношений между Киевом и Византией, а также символическим рубежом в процессе включения Руси в общехристианское культурно-политическое пространство.

Первой большой проблемой в изучении событий Корсуньской легенды является ограниченность источниковой базы. Подробная работа по систематизации и анализу источников проведена С.В. Алексеевым в статье «Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира»²²

Представленный в статье С.В. Алексеева подход к проблеме источниковедческой реконструкции образа князя Владимира Святославича имеет принципиальное значение для современного изучения ранней истории Руси. Автор предлагает методологически выверенную модель разграничения «первичной» (синхронной) и «вторичной» традиции, что позволяет по-новому оценить степень достоверности летописного повествования и выявить соотношение исторического факта и литературной обработки в формировании образа крестителя Руси.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть исходную установку исследования: ограниченность и фрагментарность источниковой базы по истории X века требует не столько механического доверия летописной канве, сколько ее проверки посредством сопоставления с синхронными свидетельствами. Алексеев исходит из того, что в историографии сложились две крайние позиции: традиционная, принимавшая летописный нарратив в качестве фактического основания «достоверной» истории, и скептическая, трактующая образ Владимира преимущественно как литературную конструкцию. Предложенный автором «источниковедческий эксперимент» направлен на преодоление этой дихотомии.

22

Алексеев Сергей Викторович Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира // Историческое обозрение. 2018. №19.

Анализ источников «первого уровня» — русских археологических и эпиграфических памятников, византийских, латинских, скандинавских и восточных хроник — позволяет реконструировать минимально достоверное «ядро» биографии Владимира. К числу таких фактов относятся: смена линии наследования власти в 970-е гг. (отраженная в трансформации княжеского знака), активная внешняя политика, включая войны с кочевниками и восточные походы, участие русского корпуса в борьбе Василия II против мятежников, брак с византийской царевной, чеканка собственной монеты, создание церковной организации на Руси. Особенно важным является подтверждение византийского происхождения крещения Руси и его связи с династическим союзом — этот факт поддерживается сразу несколькими независимыми традициями (Яхья Антиохийский, Асохик, Титмар Мерзебургский, Скилица и др.).

Тем самым разрушается представление о полной «литературности» образа князя-крестителя. Основные политические и религиозные события его правления фиксируются вне русской летописной традиции, что существенно усиливает их историческую достоверность. Вместе с тем источники «первого уровня» крайне скупы на детали и практически не дают целостной картины внутренней политики и личностных характеристик Владимира.

Именно здесь вступает в действие «вторичная» традиция — прежде всего русское летописание и памятники агиографического характера. Алексеев убедительно показывает, что летописный текст не может быть механически отнесен к эпохе Владимира. Его окончательная редакция формируется спустя столетие и более, в условиях уже сложившейся церковной и политической системы, а также после углубления конфликта между Восточной и Западной церковью. Это объясняет наличие в повествовании идеологических акцентов и богословских интерпретаций, отражающих реалии XI века.

Особое значение в статье придается анализу устной традиции как источника летописного повествования. Выявление эпических стихотворных фрагментов, фольклорных мотивов (сюжеты о Рогнеде, о предательстве Блуда, о «выборе вер», о кожемяке и белгородском киселе) позволяет сделать вывод о значительном влиянии дружинного и народного эпоса на формирование исторического нарратива. При этом автор подчеркивает, что фольклорность формы не равнозначна недостоверности содержания. Напротив, устная традиция могла сохранять память о реальных событиях, пусть и в художественно трансформированном виде.

Особенно показателен разбор сюжета о крещении Владимира. Сопоставление версии Иакова Мниха с летописной редакцией демонстрирует, что наиболее ранняя традиция (крещение в Киеве до похода на Херсонес) лучше согласуется с данными византийских источников, чем позднейшая «корсунская» редакция, получившая развитие в летописании. Это свидетельствует о постепенной сакрализации образа князя и символическом переосмыслении исторических событий в XI–XII вв.

Автор приходит к ряду выводов:

Во-первых, образ Владимира имеет прочное историческое основание: ключевые события его правления подтверждаются синхронными источниками различных культурных традиций. Речь идет не о полностью сконструированной литературной фигуре, а о реальном политическом деятеле общеевропейского масштаба.

Во-вторых, летописный образ князя представляет собой результат сложного взаимодействия устной исторической памяти, ранних письменных фиксаций и более поздней идеологической обработки. В нем сочетаются элементы дружинного эпоса, церковной проповеди и государственной идеологии.

В-третьих, разграничение «первичной» и «вторичной» традиции позволяет четче выделить историческое «ядро» биографии Владимира и отделить его от более поздних интерпретаций. При этом вторичная традиция

не может быть полностью обесценена: она отражает не только исторические события, но и процесс формирования коллективной памяти и идеологического образа крестителя Руси.

Описанные С.В. Алексеевым источники стали основой для исследования вопроса отечественными историками. Историография обстоятельств Корсунской легенды представлена в статье Д.А. Бутрова

«
К
о
р
с
у

н В методологическом отношении работа носит историографический характер. Ее предметом является не реконструкция самих событий 988 г., а эволюция научных представлений о них. Автор исходит из тезиса о наличии разрыва в историографической преемственности, вызванного социально-политическими трансформациями 1920-х гг., и подчеркивает необходимость возвращения к достижениям дореволюционной науки. Тем самым статья встроена в современную тенденцию переоценки вклада историков XIX — начала XX вв. в разработку ключевых проблем древнерусской истории.

г Важным концептуальным элементом работы является обращение к термину «Корсунская легенда», впервые введенному А.А. Шахматовым в 1906 г. Автор справедливо отмечает, что сам нарратив существовал значительно раньше и активно обсуждался историками XVIII–XIX вв., однако именно Шахматов придал ему четкое научное обозначение и заложил основы источниковедческого анализа. Тем самым подчеркивается роль шахматовской школы в институционализации проблемы и переводе ее из

Р Бутров Д. А. Корсунская легенда в русской историографии // Потемкинские чтения : материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием (Севастополь, 23–24 октября 2024 г.). – Севастополь, 2024.

с
с
к

плоскости традиционного повествования в сферу критического анализа летописной традиции.

Статья демонстрирует широкий охват историографического материала. С.В. Алексеев последовательно рассматривает позиции представителей московской (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский), петербургской (К.Н. Бестужев-Рюмин, С.Ф. Платонов, А.Е. Пресняков), южнорусской (Н.И. Костомаров) и церковной исторической школ (Филарет, Макарий, Е.Е. Голубинский и др.). Такой подход позволяет выявить различия в оценке достоверности легенды, ее происхождения и значения.

С.М. Соловьев представлен как исследователь, в целом доверявший повествованию «Повести временных лет» и воспринимавший Корсунскую легенду как соответствующую историческим обстоятельствам. Напротив, В.О. Ключевский демонстрировал более критическое отношение к летописному тексту, рассматривая его как идеологически и концептуально оформленный памятник XII в. Уже в этой дихотомии прослеживается важная линия дореволюционной историографии: от доверия к летописному преданию к его системной критике.

Особое внимание автор уделяет А.Е. Преснякову, который трактовал Корсунскую легенду как продукт определенной церковно-политической тенденции, связанной с корсунским духовенством и включенной в летописную традицию в ущерб «прежним русским известиям». Здесь фиксируется переход к пониманию легенды не только как исторического свидетельства, но и как инструмента церковно-политической борьбы и формирования идеологической концепции происхождения русской церкви. Данный подход предвосхищает более поздние исследования, рассматривающие летопись как текст, конструирующий политическую и религиозную идентичность.

Существенным достоинством статьи является акцент на междисциплинарном характере изучения Корсунской легенды уже в начале XX в. С.В. Алексеев обращает внимание на вклад византинистов (В.Г.

Васильевский, Ф.И. Успенский), филологов, историков литературы и археологов. Это позволяет показать, что к началу XX в. проблема вышла за рамки узко летописного анализа и стала рассматриваться в контексте русско-византийских отношений, церковной истории, источниковедения и археологии Херсонеса.

В то же время работа имеет и определенные ограничения. Во-первых, анализ носит преимущественно описательный характер: автор последовательно излагает позиции историков, но лишь в ограниченной степени осуществляет их сравнительный синтез. Во-вторых, недостаточно раскрыта внутренняя логика трансформации подходов — например, влияние общих методологических изменений в исторической науке (позитивизм, историко-критический метод, развитие источниковедения) на переоценку легенды. Наконец, заявленный тезис о разрыве историографической традиции после 1920-х гг. требует более детальной аргументации и сопоставления с советской медиевистикой.

Тем не менее статья убедительно демонстрирует, что уже во второй половине XIX — начале XX вв. было сформировано устойчивое проблемное поле изучения Корсунской легенды: вопросы о месте и времени крещения Владимира, о происхождении летописного сказания, о роли корсунского духовенства, о соотношении русских и византийских источников. В этот период сложились основные направления исследования — источниковедческое, церковно-историческое, византинистическое и филологическое.

Вопрос о историчности крещения князя Владимира и его дружины в ходе Корсунского похода неизбежно оказывается в поле дипломатических отношений между Русью и Византией. Попытку разобраться с тонкостями русско-византийских отношений в представленном историческом отрезке предпринимает А.И. Айбабин в своей статье «Противостояние Византии и

Д

24

Айбабин А. И. Противостояние Византии и Древней Руси в Крыму в конце X в // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. №24. – С.454-463

е

в

н

Статья А. И. Айбабина посвящена одной из наиболее дискуссионных проблем истории русско-византийских отношений конца X в. — характеру противостояния Византии и Древней Руси в Крыму и, в частности, обстоятельствам похода князя Владимира на Херсон (Корсунь). Работа отличается комплексным подходом: автор сопоставляет письменные источники разного происхождения (арабские, византийские, армянские, древнерусские) с данными археологии, стремясь реконструировать реальную политическую ситуацию 987–989 гг. и отделить историографические конструкции от фактического материала.

Важнейшим достоинством исследования является системный анализ восточных источников. Автор подробно рассматривает свидетельства Яхьи Антиохийского, Эль-Макина, Ибн аль-Асира, Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары и Михаила Псела, обращая внимание на их согласованность в описании русско-византийского союза. В этих текстах четко прослеживается следующая логика событий: в условиях мятежа Варды Фоки император Василий II обращается к князю Владимиру за военной помощью; союз скрепляется брачным договором и условием принятия христианства; русские войска участвуют в разгроме мятежников при Хрисополе и Авидосе. При этом восточные авторы либо вовсе не уточняют место крещения Владимира, либо связывают его с отправкой византийского духовенства на Русь.

Таким образом, в восточной традиции крещение предстает как элемент дипломатического соглашения, а не как следствие военного давления на империю. Это существенно отличает ее от древнерусской версии, представленной в «Памяти и похвале Владимиру» и «Повести временных лет». Исследователь подчеркивает, что древнерусские источники не упоминают договор о военной помощи и по-разному трактуют причины похода на Херсон: в «Памяти и похвале» Владимир крестится в Киеве и уже затем берет Корсунь, добиваясь равноправного союза с Византией; в

«Повести временных лет» он осаждает город, требует руки Анны и принимает крещение в Корсуни.

Автор обращает особое внимание на хронологические проблемы. На основе сопоставления дат восточных хроник и сведений Льва Диакона, а также современных исследований (А. В. Назаренко, А. Л. Пономарев и др.), Айбабин анализирует возможную последовательность событий 988–989 гг. Он показывает, что реконструкция похода Владимира зависит от того, признается ли первичность союза и участия русов в битве при Хрисополе либо, напротив, рассматривается захват Херсона как предшествующее событие. Автор осторожно относится к умозрительным хронологическим построениям, подчеркивая отсутствие точных дат в источниках.

Значительное место в статье занимает историографический обзор. Айбабин демонстрирует эволюцию взглядов — от следования летописному рассказу у В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина до появления сложных реконструкций в XIX–XX вв. Он критически анализирует гипотезы о «широком крымском походе» Владимира, включающем разорение Сугдеи, Корчева и городов Готии, и показывает их несостоятельность как с точки зрения письменных источников, так и археологических данных. Аналогично отвергается гипотеза А. Поппэ о том, что Владимир действовал в Херсоне как союзник императора против сторонников Варды Фоки.

Особое значение имеет использование археологического материала. Автор обращается к данным раскопок Херсона, анализирует находки кладов и следы разрушений, однако предостерегает от произвольной датировки слоев пожаров и их автоматического связывания с походом Владимира. Такой подход свидетельствует о стремлении автора избежать чрезмерной гиперболизации конфликта и подчеркнуть необходимость строгой источниковедческой проверки археологических аргументов.

Концепция Айбабина, представленная в статье, строится на признании реальности русско-византийского союза 987–988 гг. и последующего кратковременного конфликта под Херсоном. Автор склоняется к версии,

согласно которой поход Владимира стал формой давления на Византию в случае задержки исполнения брачных обязательств, однако при этом подчеркивает условность подобных реконструкций. Важным выводом статьи является констатация кратковременности конфликта и возвращения Херсона империи после выполнения договорных условий.

Развитие темы можно проследить в статье А.Н. Полякова «Поход на Корсунь князя Владимира и обстоятельства Крещения Руси»²⁵. Представленный текст носит характер историографического исследования, ориентированного на реконструкцию событий, связанных с походом князя Владимира на Корсунь и Крещением Руси, в контексте византийского кризиса 987–989 гг. А.Н. Поляков анализирует источники с выработкой собственной хронологической и причинно-следственной модели.

Автор чётко обозначает предмет исследования: поход Владимира на Корсунь, восстание Варды Фоки, участие русского корпуса в подавлении мятежа и брак с Анной. А.Н. Поляков подчеркивает взаимосвязанность этих событий и необходимость их рассмотрения в едином политическом контексте. В отличие от традиционной летописной схемы, где поход на Корсунь выглядит эпизодом, предваряющим крещение, исследование помещает его в широкую систему международных отношений конца X в., что соответствует современному уровню разработки проблемы.

А.Н. Поляков производит обширный историографический обзор. Автор демонстрирует эволюцию взглядов — от летописно-ориентированной традиции XVIII–XIX вв. к источниковедчески ориентированным реконструкциям конца XIX–XX вв. Рассмотрены концепции Е. Е. Голубинского, В. Г. Васильевского, М. В. Левченко, А. Поппэ, Н. М. Богдановой, О. М. Рапова, А. Л. Никитина, А. А. Роменского и др. Это позволяет показать отсутствие консенсуса в науке относительно датировки похода, его причин и последовательности событий. Автор

фиксирует методологическую проблему: одни и те же источники допускают различные интерпретации, особенно при попытке использовать сообщения о небесных явлениях как хронологические маркеры.

Особое внимание уделено критике древнерусской традиции. А.Н. Поляков аргументированно показывает противоречия между «Повестью временных лет» и «Памятью и похвалой» Иакова Мниха, а также житийными версиями. Анализ «псевдотопографических» деталей осады Корсуни (расположение водопровода, направление дороги, фигура Анастаса) демонстрирует стремление выявить легендарные и литературные элементы повествования. Обращение к библейским параллелям (сюжет ослепления и прозрения Владимира) усиливает аргумент о возможной агиографической переработке фактического материала. Тем самым автор делает вывод о необходимости осторожного отношения к летописной версии как к источнику по конкретной хронологии событий.

В то же время центральным методологическим выбором работы является приоритет иностранных источников (арабских, византийских, армянских) при реконструкции событий. Это представляется оправданным, поскольку данные Яхьи Антиохийского, Абу Шуджи, Ибн ал-Асира, Льва Диакона, Михаила Пселла, Иоанна Скилицы и Асохика действительно хронологически ближе к событиям и содержат информацию, отсутствующую в древнерусских памятниках (прежде всего о военной помощи и брачном договоре). Автор справедливо отмечает, что большинство этих источников независимо связывают крещение Владимира с союзом против Варды Фоки и браком с Анной.

Однако реконструкция, предложенная в заключительной части работы, носит гипотетический характер. Автор выстраивает последовательность событий 987–989 гг., исходя из логики политического кризиса в Византии и навигационных возможностей Руси. По его версии, поход начался весной 987 г., Корсунь была взята до переговоров 988 г., крещение Владимира произошло в 988 г., а крещение Киева — в 989 г. Эта

модель отличается внутренней логичностью и стремлением согласовать разрозненные данные, однако опирается на ряд допущений (время начала навигации, длительность осады, место заключения брака, маршрут движения войск), которые не имеют прямого подтверждения в источниках. Тем самым автор фактически восполняет лакуны реконструкцией «по вероятности», что неизбежно снижает степень доказательности выводов.

А.Н. Поляков представляет тезис о том, что Крещение Руси нельзя рассматривать вне византийского кризиса конца X в. и что инициатива Владимира была тесно связана с борьбой за международный статус и династический престиж. Крещение предстает не только религиозным актом, но и элементом дипломатической стратегии, направленной на включение Руси в византийский мир на правах равноправного партнера.

В целом анализ демонстрирует стремление к комплексному источниковедческому подходу и попытку синтеза различных традиций. Работа убедительно показывает, что проблема датировки и причин похода на Корсунь остается дискуссионной, а летописная версия не может быть принята без критической проверки. Вместе с тем предложенная реконструкция должна рассматриваться как одна из возможных моделей, а не окончательное решение вопроса.

Не столько источниковедческий, сколько культурно-исторический взгляд на обстоятельства Корсунской легенды представлен в работе Р.В. С

в Автор предлагает рассматривать фрагмент «Повести временных лет» о «выборе веры» и крещении князя как текст, несущий следы античной традиции, воспринятой через византийское посредство. Для дипломной работы данный материал важен как пример герменевтического и сравнительно-культурного подхода к проблеме Крещения Руси.

в

а

А

Светлов Р. В. Античные ноты крещения Руси // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. №3. – С.155-160
Н

т

и

Отправной точкой исследования становится признание противоречивости летописного повествования. Светлов исходит из того, что в «Повести временных лет» сосуществуют по меньшей мере две версии событий — рассказ о «выборе веры» (987 г.) и корсунский сюжет (988 г.). В первом случае Владимир и его окружение выступают как субъекты сознательного выбора, во втором — как объекты внешнего воздействия и обстоятельств (болезнь, обещание, осада Корсуни). В отличие от историков, стремящихся реконструировать «реальную» последовательность событий, автор предлагает сместить акцент: важна не только историческая достоверность, но и культурные коды, лежащие в основе повествования.

Методологически статья строится на выявлении сюжетных и риторических параллелей между летописным текстом и античной (прежде всего раннехристианской и римской) традицией. Светлов обращает внимание на мотив временной слепоты Владимира и сопоставляет его с обращением апостола Павла. Данная параллель позволяет интерпретировать князя не только как «нового Константина», но и как своего рода «апостола» для восточнославянских народов. В этом контексте крещение Руси предстает как событие, включающееся в универсальную историю спасения, а не только в локальный политический процесс.

Особый интерес представляет анализ «Речи Философа». Автор трактует ее как разновидность апологетического текста, структурно напоминающего христианские апологии II–III вв. Наличие судебно-дискуссионной формы, риторической аргументации, обращения к здравому разуму правителя — все это, по мнению Светлова, свидетельствует о знакомстве древнерусских книжников с античной риторической традицией. Хотя прямых доказательств такого заимствования нет, сама постановка вопроса подчеркивает высокий уровень книжной культуры Киевской Руси и ее включенность в византийско-христианский интеллектуальный мир.

Не менее показателен анализ сюжета о посольстве «мудрых мужей» для изучения вер. Светлов сопоставляет его с римской легендой о

посольстве в Афины за законами Солона, предшествовавшем созданию Законов XII таблиц. По мысли автора, подобная структура повествования — отправка делегации для выбора нормативного основания будущего государства — имеет архетипический характер и восходит к античной политической традиции. Даже если прямое заимствование невозможно доказать, сама модель «экзистенциального выбора» через сопоставление альтернатив свидетельствует о включении русской истории в рамки универсальной исторической парадигмы.

Автор представляет оригинальную проблему. В отличие от исследований, сосредоточенных на датировке, локализации или источниковедческой критике, Светлов предлагает культурно-символическое прочтение текста. Он показывает, что летописец не просто фиксировал события, но конструировал их в определенной ценностной и интеллектуальной системе координат. В этом смысле крещение Руси выступает как акт символической репрезентации, вписывающий Русь в «всемирную историю» и антично-христианскую традицию.

Статья Р.В. Светлова демонстрирует переход от позитивистской реконструкции событий к исследованию нарратива как культурного феномена. Крещение Руси предстает не только как политико-религиозный акт, но и как литературно-историческая конструкция, отражающая самоосознание древнерусской цивилизации.

Анализ представленных статей дает нам возможность прийти к выводу о том, что можно выделить несколько исследовательских уровней в современной отечественной историографии по вопросу Корсунской легенды. С.В. Алексеев и А.И. Айбабин работают преимущественно в рамках политической и военно-дипломатической истории, стремясь к реконструкции событий и уточнению их хронологии. А.Н. Поляков занимает источниковедческую позицию, исследуя структуру и генезис летописного нарратива. Д.А. Бутров анализирует историографическое бытование корсунского сюжета и его идеологическую функцию. Р.В.

Светлов, в свою очередь, предлагает культурно-герменевтическую интерпретацию, выявляя символические и античные предтексты летописного текста.

Объединяет все работы признание сложности и многослойности источниковой базы, а также невозможности однозначной реконструкции событий конца X в. Различия же заключаются в уровне анализа: от реконструкции фактов С.В. Алексеевым и А.И. Айбабиным к анализу текста А.Н. Поляковым, от историографии Д.А. Бутрова к культурно-символической интерпретации Р.В. Светлова. В совокупности данные исследования демонстрируют, что проблема Крещения Руси и похода на Корсунь выходит за рамки исключительно исторической науки и представляет собой комплексное явление, включающее политический, текстологический, историографический и цивилизационный аспекты.

2.2 Деконструкция летописного сюжета о «Выборе веры» в трудах современных историков

Сюжет «выбора веры», зафиксированный в летописи²⁷, давно приобрёл статус общеизвестного и канонического. Тем не менее его обстоятельное и всестороннее исследование до сих пор фактически отсутствует. В большинстве случаев авторы ограничивались пересказом летописного повествования и обсуждением степени его достоверности: действительно ли в Киев прибывали представители различных религиозных традиций, посылал ли Владимир своих людей для «испытания вер» и т. п. Между тем такие исследовательские направления, как этнопсихология и история ментальностей, сформировались сравнительно поздно и лишь постепенно начали влиять на отечественную историографию, особенно советского периода. В результате в научной традиции преобладал подход,

27

Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 1999.

ориентированный прежде всего на выявление социально-экономических предпосылок Крещения Руси.

Примером деконструкции летописного сюжета может послужить статья М.Ю. Андрейчевой «Сюжет изгнания Перуна в статье 6496 г. Повести временных лет.»²⁸. Автор демонстрирует, что летописный сюжет об изгнании Перуна в статье 6496 г. «Повести временных лет» сочетает историческую, символическую и агиографическую составляющие. Согласно Повести временных лет²⁹, князь Владимир после крещения в Корсуни приказывает низвергнуть языческие идолы, особенно Перуна, подвергнув его мучительной казни, которая подробно описана с топографическими деталями. Исследователи традиционно рассматривали этот фрагмент как отражение реальных событий, одновременно подчеркивая его символизм и возможные литературные источники. М.Ю. Андрейчева отмечает, что ряд ученых (Голубинский, Мансикка, Барац, Аничков, Гальковский, Петрухин, Демин) усмотрели влияния ветхозаветных историй, других летописных текстов и истории Февраля, тогда как этнографические подходы (Васильев, Клейн) связывали сюжет с древними славянскими обрядами проводов нечистой силы, демонстрируя многослойность традиции.

Сравнение текста Повести временных лет с «Житием святителя Стефана Сурожского» показывает многочисленные текстовые и семантические параллели, начиная с Корсунского похода и заканчивая утверждением христианства в Киеве. Эти совпадения включают детали миссионерской деятельности, крещения народа и страданий святого, что позволяет предположить использование летописцем греческого протографа Жития как источника. В отдельных случаях, таких как изображение императора Льва и мучения Перуна, летописец использует агиографический

28

Андрейчева М. Ю. Сюжет изгнания Перуна в статье 6496 г. Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 95-110.

Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 1999.

мотив, превращая Владимира в орудие божественной справедливости, что подчеркивает символическую направленность текста. Армянский перевод Жития, напротив, показывает редакторскую фильтрацию: многие детали мучений и миссионерской деятельности исключены, но отдельные фрагменты сохраняют смысловые следы оригинала.

Таким образом, М.Ю. Андрейчева приходит к выводу о том, что летописный сюжет об изгнании Перуна возник под влиянием агиографических источников, в частности Жития святителя Стефана, и одновременно опирается на собственные исторические и символические мотивы. Использование текстов-житий позволило летописцу придать эпизоду глубокий смысл, связывая крещение Руси и уничтожение языческих идолов с идеей возмездия и христианской справедливости, что подтверждает значимость агиографического материала для формирования летописной традиции.

Деконструкцию Повести временных лет с позиции культурной антропологии производит Д.В. Пузанов в статье ««Выбор веры» в Повести временных лет: стереотипы конфессионального восприятия в древнерусском обществе»³⁰

Автор осуществляет культурологический и антропологический анализ известного сюжета о выборе религии князем Владимиром, сосредоточенный не на реконструкции исторических событий, а на выявлении этнокультурных и конфессиональных стереотипов, характерных для древнерусской книжной традиции и общества в целом. Д.В. Пузанов обращает внимание на то, что восприятие религий в «Повести временных лет» было обусловлено не только политическими и экономическими мотивами, но прежде всего культурными и мировоззренческими

30

Пузанов Д.В. в статье «Выбор веры» в Повести временных лет: стереотипы конфессионального восприятия в древнерусском обществе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. №3.

установками восточных славян, для которых выбор веры представлял собой поиск истины и соответствие религии архаическим представлениям о мире.

Автор последовательно показывает, как летописец интерпретирует религиозные учения через призму собственного культурного опыта: иудаизм воспринимается как религия народа, лишённого родной земли и рабского положения, ислам отторгается как чуждый славянской культуре, тогда как католицизм оказывается более близким по культурным координатам, а православие, в итоге, выбирается вследствие политической мощи Византии и эстетического сходства с византийской культурой. При этом Д.В. Пузанов подчеркивает, что князь и летописец воспринимают религиозные учения в контексте их совместимости с традиционными обычаями полян, выделяя этот племенной коллектив как носителя «кротости» и способности к восприятию христианства, что оформляется в эпитет «мудрый».

Особое внимание уделяется анализу текста «Речи философа»³¹ и связанных с ней посольских эпизодов, в которых Владимир задаёт провокационные вопросы проповедникам различных религий. Пузанов указывает на литературный приём летописца, вкладывающего в уста философа и представителей других вер аргументы, отражающие конфессиональные и культурные предубеждения древнерусского общества. Так, ислам представляется через призму сексуальной распущенности и нечистоплотности, что соответствует восприятию летописца, но не догматическим положениям религии. Аналогично, иудаизм характеризуется как религия отверженных и беспомощных, что согласуется с антисемитскими представлениями средневековой Руси, и подчеркивает необходимость защиты населения под покровительством сильного божества. При этом Д.В. Пузанов осторожно анализирует спорные моменты, связанные с интерпретацией эпизодов, касающихся якобы сексуальных практик мусульман, опираясь на исследования Л. С. Клейна и сопоставление

31

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997.

с «Словом об идолах» и Толковой Палеей, и приходит к выводу, что многие описания являются результатом культурного и этнографического искажения, а не буквального отображения практик чужих народов.

Автор также демонстрирует, что восприятие христианства как сильной, способной защитить Русь веры было связано с представлениями о божественной справедливости и наказании виновных, что наглядно проявляется в повествованиях о распятии Христа, мести за мучеников и наказаниях за убийство христианских божеств. Эти мотивы раскрывают особое понимание сакрального и социальной справедливости в древнерусской культуре, где божество должно было демонстрировать силу и способность постоять за себя и народ, в противовес бессильным или казнённым объектам поклонения.

Методологически статья опирается на культурно-антропологический и ментальный анализ, противопоставляя традиционные подходы политико-экономической истории, в рамках которых крещение Руси рассматривалось как инструмент феодальной идеологии. Пузанов подчёркивает, что только через изучение летописного текста с учётом ментальности и культурных установок славян возможно понять, почему выбор пал на православие именно греческого образца. Анализ летописных эпитетов, структуры диалогов и сопоставление с другими источниками позволяет выявить не только политические и эстетические мотивы, но и психологические и духовные основания, которые определяли восприятие религий древнерусским обществом.

Статья Д.В. Пузанова иллюстрирует необходимость комплексного анализа источников, объединяющего историческую, культурологическую и антропологическую перспективы, и позволяет глубже понять, каким образом формировалось восприятие религиозного выбора в древней Руси, выходя за рамки исключительно политико-экономических интерпретаций.

Аллогизмы в тексте Повести временных лет обнаруживает Р.В. Кауркин в своей статье «Внешнеполитические планы князя Владимира и

в

в

е

Ключевой особенностью исследования является фактическая деконструкция традиционного нарратива «выбора вер», который в историографии долгое время воспринимался как базовый и самоочевидный источник для объяснения причин христианизации Киевская Русь. Автор демонстрирует, что данный текст не может рассматриваться как непосредственное отражение исторической реальности, поскольку он структурирован как идеологическая и литературная конструкция, созданная позднее. Исследование Р.В. Кауркина на предмет последовательном выявлении внутренних противоречий летописного рассказа. Он показывает, что хроника одновременно претендует на подробность описания событий, но при этом содержит логические разрывы, хронологические нестыковки и мотивы фольклорно-агитационного характера. Прежде всего критике подвергается сюжет о посольствах к представителям разных религий и последующем «испытании вер», который трактуется не как документированное событие, а как дидактическая схема, призванная обосновать «единственно правильный» выбор византийского христианства. Автор обращает внимание на схематизм композиции: все альтернативные религии изображены заведомо непривлекательными, тогда как пребывание послов в Константинополе сопровождается подчеркнуто торжественным приемом, что придает тексту характер апологетического произведения. Тем самым летопись выступает не как нейтральный источник, а как инструмент легитимации уже свершившегося церковно-политического курса.

Особое значение в статье имеет тезис о поздней «прогреческой» редакции хроники. По мнению автора, именно ориентация на Константинополь обусловила смещение акцентов в изложении событий и минимизацию сведений о реальных дипломатических переговорах Руси с Византия и Болгария. В летописи практически отсутствует объяснение

причин Корсунского похода 988 г., хотя с политической точки зрения он выглядит ключевым эпизодом. Кауркин интерпретирует это молчание как сознательное: реальные мотивы — давление на империю и пересмотр договорённостей — не вписывались в образ «смиренного новообращённого князя». Таким образом, сам пробел источника становится аргументом в пользу его идеологической ангажированности.

Деконструктивный подход проявляется и в хронологическом анализе. Автор сопоставляет летописные сведения с текстами митрополита Иларион Киевский и Иаков Мних, где дата крещения Владимира относится к 987 г., то есть до похода на Корсунь. Это разрушает каноническую последовательность «поход — крещение — брак» и тем самым подрывает саму драматургию летописного рассказа. В реконструкции Кауркина крещение князя оказывается не следствием военного успеха или чудесного прозрения, а предварительным дипломатическим шагом. Следовательно, летописная версия рассматривается как ретроспективное богословское переосмысление событий, призванное представить историю как акт божественного промысла, а не политического расчёта.

Дополнительно автор подвергает сомнению тезис о прямой зависимости Руси от Константинополя в церковном отношении. Анализ текстологических особенностей «речи философа» и символа веры, а также предполагаемая ориентация Десятинной церкви на Охрид интерпретируются как следы иной, не византийской традиции. Это наблюдение вступает в противоречие с официальной летописной моделью и свидетельствует о том, что религиозная политика Руси была более автономной, чем стремилась показать поздняя редакция хроники. Тем самым автор демонстрирует расхождение между реальной церковно-политической практикой и её идеологическим оформлением в источнике.

В.В. Ковалев «Крещение Руси в 988 г. и его значение для формирования особенностей российской цивилизации»³³

Статья В.В. Ковалева посвящена осмыслению крещения Руси как ключевого цивилизационного рубежа, определившего долгосрочные особенности развития российского государства и культуры. Автор рассматривает событие 988 г. не как единичный религиозный акт, а как длительный и многоуровневый процесс христианизации восточнославянского общества, последствия которого, по его мнению, проявились в формировании специфической модели российской государственности, культуры и общественного сознания. Концептуально работа построена в русле цивилизационного и культурологического подхода: христианство интерпретируется не столько как религиозная доктрина, сколько как системообразующий фактор, изменивший символический порядок, нормы поведения, структуру власти и культурные практики.

Аргументация автора разворачивается вокруг двух взаимосвязанных тезисов. С одной стороны, подчеркивается культурная функция христианства: распространение грамотности, появление школ при монастырях, развитие книжности, архитектуры, литературы, формирование письменного права и новых форм политической легитимации. С другой стороны, принятие веры из Византии трактуется как источник цивилизационной обособленности Руси от западноевропейского мира, что в дальнейшем привело к культурной дистанции между восточнохристианской и западнохристианской традициями. Таким образом, крещение Руси описывается как событие амбивалентное: оно одновременно интегрировало Русь в христианскую ойкумену и заложило основания для ее особого пути.

Существенное место в статье занимает обращение к летописной традиции, прежде всего к Повести временных лет, однако использование этого источника носит преимущественно иллюстративный характер. Летопись выступает не как объект критического анализа, а как авторитетное

подтверждение уже сформулированных выводов. Из нее заимствуются эпизоды договора князя Игоря с греками, сведения о крещении княгини Ольги, рассказ о насильственном крещении новгородцев и киевлян, однако текст летописи принимается как прямое отражение исторической реальности. Между тем сам летописный нарратив является идеологически сконструированным памятником, созданным в среде книжников-христиан и направленным на легитимацию новой веры и княжеской власти. В этом смысле летописец не столько фиксирует события, сколько формирует их интерпретацию, представляя крещение как закономерный и провиденциальный выбор народа. Отсутствие деконструкции этой авторской позиции приводит к тому, что реконструкция Ковалева во многом воспроизводит внутреннюю логику летописного текста.

Деконструктивный анализ позволяет увидеть, что сама картина «перехода от язычества к христианству», на которую опирается статья, является результатом риторической стратегии летописца. В Повести временных лет язычество изображается как хаотичное и культурно низшее состояние, тогда как христианство предстает носителем письменности, закона и истинной власти. Такая оппозиция создает телеологическую модель истории, где принятие христианства выглядит неизбежным и прогрессивным этапом. Ковалев, по сути, наследует эту модель, рассматривая христианство как безусловный источник культурного подъема, не проблематизируя степень сохранения дохристианских практик, синкретизм верований и неоднородность региональных процессов. Тем самым автор невольно воспроизводит христианский дискурс средневекового книжника, где крещение выступает актом цивилизационного «озарения», а не сложным и конфликтным социальным процессом.

Методологически статья демонстрирует черты эссенциализма: православие трактуется как некая устойчивая «сущность» русской культуры, определяющая ее на протяжении веков. Такой подход упрощает

историческую динамику и сводит разнообразие факторов — экономических, политических, этнических — к религиозному детерминизму. Обобщения о «замкнутости» или «особости» российской цивилизации выводятся из факта византийского влияния без достаточного анализа альтернативных каналов взаимодействия Руси с Европой. Кроме того, в тексте практически отсутствует критика историографии.

Таким образом, рассмотренные исследования демонстрируют общий поворот современной историографии от традиционного восприятия летописного рассказа о «выборе веры» как прямого отражения исторических событий к его пониманию как сложной литературной, идеологической и культурной конструкции. Сюжет, зафиксированный в Повесть временных лет, предстает не документальным свидетельством рационального религиозного выбора князя, а результатом многослойного текстообразования, в котором переплетаются агиографические мотивы, символические схемы, конфессиональные стереотипы и задачи политической легитимации.

Анализ, представленный в работах М.Ю. Андрейчевой, Д.В. Пузанова и Р.В. Кауркина, показывает, что летописный текст формировался под влиянием житийной литературы, библейских и византийских образцов, этнокультурных представлений древнерусского общества и позднейшей церковно-политической редакции. В результате такие эпизоды, как низвержение Перуна, «испытание вер» или миссионерские диалоги, выполняют прежде всего символично-назидательную и апологетическую функцию, призванную продемонстрировать неизбежность и превосходство православия, а не реконструировать реальные дипломатические и религиозные процессы конца X века. Летописец оказывается не нейтральным хронистом, а автором, который целенаправленно конструирует прошлое, вписывая историю Руси в христианскую модель провиденциального развития.

На этом фоне работа В.В. Ковалева демонстрирует иной, более традиционный подход: летописный нарратив используется как фактическая основа для широких цивилизационных обобщений, что приводит к воспроизводству заложенной в самой летописи телеологической схемы «язычество — христианство — культурный подъем». Отсутствие источниковедческой критики делает такую интерпретацию уязвимой, поскольку она опирается на уже идеологически обработанный текст.

2.3 Сакральный и политический образ Владимира Святого в современной историографии

Корпус письменных памятников, посвящённых святому князю Владимиру, к настоящему времени насчитывает приблизительно двести рукописей, созданных в течение всего средневекового периода.³⁴ В совокупности они включают около двадцати семи произведений и их различных редакций, что на первый взгляд создаёт впечатление обширной и хорошо документированной традиции. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется, что это количественное богатство не сопровождается соответствующей полнотой исторической информации. В большинстве текстов содержится крайне ограниченное число конкретных и достоверных сведений как о личности самого князя Владимира, так и о реальном состоянии русской Церкви его эпохи, особенностях церковной организации, религиозной политики и фактических обстоятельствах христианизации.

Более того, анализ подавляющей части данного письменного наследия нередко порождает у исследователя сомнения и вопросы: повествования изобилуют легендарными и агиографическими элементами, риторическими преувеличениями, символическими эпизодами и идеологическими

34

конструкциями, что затрудняет их использование в качестве прямых исторических свидетельств. Изложение событий часто оказывается фрагментарным, внутренне противоречивым или подчинённым богословско-назидательным задачам, а не стремлению к точной фиксации фактов. В результате лишь сравнительно небольшая группа древнерусских памятников выделяется большей последовательностью, аргументированностью и логикой повествования, позволяя более уверенно реконструировать реальные деяния великого князя и конкретные исторические обстоятельства его правления.

Провести границу между сакральным и политическим образом Владимира Святого удаётся М.В. Первушину в статье «Информационная война в древней Руси»³⁵. В статье М.В. Первушина, опубликованной в журнале Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук («Вестник славянских культур», 2016), проблема источников по истории крещения Руси рассматривается через призму дефицита достоверных сведений и идеологической обработки древнерусского письменного наследия. Автор исходит из парадоксального на первый взгляд факта: при значительном количестве памятников, посвящённых святому князю Владимиру, корпус текстов оказывается чрезвычайно бедным в отношении конкретной исторической информации. По подсчётам исследователей, до нас дошло около двухсот рукописей, включающих двадцать семь произведений и их редакций, однако подавляющее большинство этих источников почти не сообщает фактических данных ни о личности князя, ни о реальном устройстве русской Церкви конца X — начала XI века. Вместо этого тексты наполнены повторяющимися агиографическими формулами, риторическими похвалами и назидательными схемами, что создаёт ощущение нарративной избыточности при фактической пустоте.

35

Первушин М. В. Информационная война в древней Руси // Вестник славянских культур. 2016. №3.

Такое положение дел, по мысли автора, объясняется не случайной утратой сведений, а целенаправленным искажением исторической памяти. М.В. Первушин трактует ситуацию как следствие своеобразной «информационной войны», развернувшейся в раннесредневековый период между Русью и Византией, в ходе которой греческая церковно-политическая традиция сумела навязать собственную интерпретацию событий и вытеснить или уничтожить альтернативные свидетельства. В результате исторический образ крещения Руси был сконструирован преимущественно в византийском идеологическом ключе, где решающая роль отводилась Константинополю, а сама Русь представлялась пассивным реципиентом христианства.

Ключевым полем этой реконструкции выступает летописно-житийная традиция, прежде всего текст Повесть временных лет и производные от него редакции житий князя. Их повествование выстраивается вокруг так называемой Корсунской версии крещения, согласно которой Владимир принимает веру лишь после похода на Корсунь и при непосредственном участии греческой стороны. Такая схема, как подчёркивается в историографии А.А. Шахматов³⁶ и М.Д. Приселков³⁷, носит ярко выраженный апологетический характер и служит утверждению приоритета Византии. Повторяемость «Корсунской легенды» в многочисленных списках житий, несмотря на внутренние противоречия и слабую фактологическую основу, свидетельствует о её редакторской навязчивости и идеологической функции.

На этом фоне особое значение приобретает небольшая группа ранних памятников, отличающихся большей логикой и внутренней связностью изложения. В древнейших текстах крещение Владимира интерпретируется не как дипломатический эпизод и не как результат внешнего давления, а как

36

Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб.: Тип. Императорской АН, 1906. 128 с.
Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI– XII вв. СПб.: Наука, 2003. 248 с.

личное духовное решение князя, вызванное внутренним обращением и религиозным опытом. Здесь акцент переносится с политической зависимости на нравственное преображение, с внешнего акта на внутренний выбор. Именно такие источники, по мнению автора, могут отражать более ранний и менее искажённый пласт традиции, не полностью подчинённый византийской историософской модели.

Отсутствие сведений о церковной организации Руси в первые десятилетия после крещения, лакуны в летописании и позднее появление информации о митрополичьей кафедре также рассматриваются как признаки утраты или намеренного устранения документов. В результате реконструкция церковной структуры этого времени оказывается возможной лишь гипотетически. По мнению М.В. Первушина, количественное изобилие рукописей не компенсирует качественного дефицита информации: вместо непосредственных свидетельств исследователь имеет дело с текстами, сформированными по канонам массовой агиографической литературы, ориентированной не на фиксацию фактов, а на создание идеального образа святого правителя.

Учитывая позицию автора, что письменная традиция о святом Владимире представляет собой не прозрачное отражение исторической реальности, а результат длительной идеологической переработки. Можно сделать вывод, что большинство дошедших памятников функционирует как инструмент конструирования нужной версии прошлого, тогда как реальные события первых десятилетий христианской Руси оказались частично вытеснены из культурной памяти. Поэтому восстановление истории этого периода возможно лишь путём критической деконструкции летописного и житийного нарратива, сопоставления разнородных источников и отказа от буквального доверия сложившейся традиции.

ГЛАВА 3. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РУСИ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

Проблематика христианизации Древней Руси на протяжении длительного времени находится в центре внимания историков, однако, несмотря на значительное количество исследований, многие ключевые аспекты этого процесса до сих пор остаются дискуссионными. Прежде всего это касается его продолжительности, внутренней динамики и периодизации. В современной отечественной историографии такая протяженность процесса христианизации оказывается в фокусе внимания ряда исследователей. В статье Е.В. Климова «К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси»³⁸ посвященной пересмотру устоявшихся представлений о сроках и этапах христианизации Древней Руси и встраивается аргументация против традиционной точки зрения дореволюционной историографии, согласно которой обращение населения завершилось уже к XI–XII вв.

В своей статье Е.В. Климов представляет нам историографию вопроса о длительности христианизации. Автор связывает стереотип о

Д
О
М
О
Н
Г
О
Л
Б

³⁸

Климов Евгений Викторович К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестник ЧелГУ. 2009. №16.

Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. М., 1989. Т. 1.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 18 т. М., 1993. Т. 3. С. 58–59;

Флудинский, Е. Е. История русской церкви : в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 851.

Мильков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 1. С. 23.

Й

Х

Б.А. Рыбакова⁴³, связывавшего реальное укоренение христианства с эпохой ордынского разорения, и мнения А.П. Новосельцева⁴⁴ и И.Я. Фроянова⁴⁵ о позднем завершении процесса, исследователь формирует трехступенчатую периодизацию: первый этап характеризуется проникновением веры в среду княжеско-дружинной элиты и нестабильностью общины христиан при сохранении сильной языческой реакции; второй начинается после крещения князя и институционализации церкви, сопровождается созданием епархиальной структуры, строительством монастырей и соборов, но отличается поверхностностью религиозной практики, распространением двоеверия и сопротивлением волхвов, что подтверждается как письменными источниками, так и анализом памятников литературы, где языческая космология («Слово о полку Игореве...») сосуществует с христианской летописной традицией; третий этап автор относит к послемонгольскому времени, когда катастрофа нашествия стимулировала массовое покаянное сознание, усилила потребность в эсхатологической интерпретации истории и привела к углублению религиозности, что выразилось во «взрыве святости» по определению Г.П. Федотов⁴⁶, росте монастырской сети и миссионерской колонизации Севера, связанной с деятельностью таких фигур, как Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский, укреплении политического влияния церкви и формировании светско-теократического дуализма власти, а также появлении ересей стригольников и жидовствующих, которые, по аналогии с идеями Л.П. Карсавина⁴⁷, трактуются как признак зрелости религиозной среды; совокупность аргументов — демографическое и институциональное расширение церковной структуры, вытеснение кремации, исчезновение волхвов, изменение характера литературы и рост критического богословского

43

Рыбаков, Б. А. Стригольники – русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 34.

Новосельцев, А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Вопр. истории. 1989. № 9. С. 31.

Фроянов, И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 72.

Федотов, Г. П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 104.

Карсавин, Л. П. Очерки средневековой религиозности // История ересей. М., 2007. С. 253, 254.

мышления — позволяет автору заключить, что подлинная христианизация Руси завершилась лишь к рубежу XV–XVI вв., когда христианские ценности были усвоены большинством общества не только обрядово, но и этически, что делает предложенную периодизацию более убедительной и соответствующей реальной динамике социокультурных изменений.

3.1 Дискуссия о логике становление митрополий и епархий

Процесс христианизации неизбежно связан с формированием организованной системы культовых сооружений и иерархии управления церковью. Логика процесса становления митрополий и епархий становится объектом дискуссии в отечественной исторической науке.

Вопрос о происхождении и формировании церковной иерархии на Руси привлёк внимание исследователей уже на этапе зарождения отечественной церковно-исторической науки в начале XIX века. Столь ранний интерес к этой теме был обусловлен господством специфической методологической установки, согласно которой решающая роль в историческом процессе отводилась деятельности отдельных личностей, а развитие институтов и событий объяснялось прежде всего влиянием конкретных исторических фигур. Анализ историографии становления церковной иерархии на Руси отражен в статье М.С. Андреева «Генезис

Статья М.С. Андреева представляет собой последовательный историографический обзор того, как в первой половине XIX века вкладывалось научное осмысление генезиса епархиальной структуры Древней Руси, и показывает, что интерес к церковно-административной организации возник практически одновременно с формированием самой русской церковно-исторической науки. Автор демонстрирует, что для исследователей этого времени была характерно рассмотрение истории с

позиции силы личности: историю Церкви они объясняли через деятельность конкретных князей, митрополитов и епископов, а потому процесс становления иерархии рассматривали прежде всего как результат инициативы правителей и отдельных иерархов, а не как сложную институциональную или социальную эволюцию. В центре анализа оказываются труды Платона Левшина, Амвросия Орнатского, А.Н. Муравьева и Н.М. Карамзина, чьи сочинения рассматриваются в сравнительном ключе с точки зрения источников, аргументации и реконструкции хронологии учреждения кафедр. М.С. Андреев показывает, что отправной точкой для большинства авторов стала Повесть временных лет, однако решающую роль в конкретных датировках и перечнях епархий сыграла Никоновская летопись, воспринимавшаяся почти без критики как достоверный источник, несмотря на её позднее происхождение.

Амвросий Орнатский расширил круг источников и предложил более полный перечень домонгольских епархий, но методологически остался в той же традиции доверия летописному тексту, лишь систематизируя данные и уточняя географию кафедр. По мнению автора, А.Н. Муравьев выступает как популяризатор, соединяющим церковно-исторический нарратив с назидательными и миссионерскими задачами, но в то же время пытающимся учитывать политический контекст, например автономию отдельных земель, при объяснении времени возникновения кафедр. Особое место занимает Н.М. Карамзин, который первым поставил под сомнение достоверность части известий Никоновской летописи и обратил внимание на молчание ранних источников, тем самым обозначив возможность критического пересмотра традиционной схемы и открыв путь более строгому анализу летописной традиции.

Автор приходит к выводу, что историография первой половины XIX века создала фундамент для изучения епархиального устройства, сформировала базовые списки и хронологии, но в целом оставалась зависимой от поздних летописных свидетельств и конфессиональной

оптики, что приводило к некритичному воспроизведению легендарных или идеологически окрашенных сюжетов; лишь у отдельных авторов намечается переход к источниковедческой рефлексии. Тем самым статья показывает эволюцию научного подхода — от описательно-апологетического и персоналистского к более аналитическому и критическому — и демонстрирует, что реконструкция церковной структуры Древней Руси в трудах XIX века была не столько окончательным знанием, сколько стадией формирования исследовательской традиции, в которой постепенно складывались методы, вопросы и проблемное поле современной церковной историографии.

Анализ структуры православной церкви осуществляет Т.Ю. Фомина в статье «Русские епископии эпохи Владимира Святославича»⁴⁹. Текст статьи посвящён реконструкции процесса формирования епархиальной структуры Русской церкви в эпоху княжения Владимира Святославича и носит ярко выраженный источниковедческий и историко-критический характер. Т.Ю. Фомина не ограничивается перечислением известных фактов о крещении Руси, а ставит более узкую и методологически сложную задачу, заключающуюся в попытке определить, когда, где и на каких основаниях возникли первые русские епископские кафедры, сопоставляя летописные, агиографические и позднейшие церковные предания. Автор подчёркивает, что традиционная историография часто механически переносила на конец X века развернутую церковную сеть более позднего времени, тогда как реальные данные источников значительно скромнее.

В качестве методологической базы автор использует принцип критики источников: известия летописей рассматриваются не как прямое отражение событий, а как тексты, созданные спустя десятилетия и даже столетия после описываемых процессов, поэтому каждое упоминание епископии или

49

Фомина Т.Ю. Русские епископии эпохи Владимира Святославича // Палеоросия. 2015. №3.

епископа проверяется на предмет датировки, контекста и возможных вставок позднего времени.

Существенное место занимает анализ сведений о первых центрах церковной организации. Город Киев трактуется как безусловный митрополичий центр, однако существование развитой сети епархий уже при Владимире подвергается сомнению, поскольку большинство сообщений о новгородской, ростовской, черниговской и иных кафедрах восходят к более поздним летописным сводам и могут отражать ситуацию XI–XII вв., ретроспективно перенесённую в эпоху Крещения; таким образом, автор показывает, что процесс институционализации церкви был постепенным, а не одномоментным актом.

Аргументация строится на сопоставлении письменных источников с логикой политического развития государства. В тексте статьи Т.Ю. Фомина подчёркивает, что епископские кафедры могли возникать прежде всего в крупнейших административных и торговых центрах, где уже существовала княжеская власть и дружинная элита, заинтересованная в новой религии как идеологическом инструменте, следовательно, церковная география первоначально повторяла структуру власти и путей сообщения, а не равномерно покрывала всю территорию Руси; такой вывод сближает церковную историю с социально-политической историей и делает христианизацию частью государственного строительства. Важной частью анализа является критика позднейших церковных списков епархий и епископов: автор показывает, что многие имена и кафедры фиксируются лишь в компиляциях позднего времени, что снижает их достоверность для X века, поэтому ранняя история Русской церкви реконструируется скорее как сеть отдельных миссионерских пунктов и временных центров, чем как устойчивая каноническая структура; тем самым разрушается представление о полностью оформленной иерархии сразу после 988 г.

Автор заключает, что создание епархиальной системы в эпоху Владимира следует рассматривать как начальный этап длительного

процесса: при князе были заложены организационные и политические предпосылки церковной структуры, однако полноценная сеть кафедр сложилась позднее, уже в XI веке, когда христианство укрепилось в городах и появилось достаточное число кадров духовенства; таким образом, христианизация предстает не единичным актом, а многоступенчатой институциональной трансформацией общества.

Таким образом, рассмотренные исследования показывают, что формирование церковной иерархии на Руси следует понимать не как единовременное следствие Крещения 988 г., а как длительный и поэтапный процесс институционального становления, тесно связанный с политическим развитием государства и распространением христианства в городских центрах. Историографический анализ, представленный в работе М.С. Андреева, выявляет зависимость ранних реконструкций от персоналистского подхода и некритичного доверия летописной традиции, тогда как источниковедческая позиция Т.Ю. Фоминой демонстрирует необходимость осторожной проверки свидетельств и отказа от переноса поздней церковной структуры на эпоху Владимира Святославича.

3.2 Феномен двоеверия на Руси

Двоеверие, определяемое⁵⁰ как феномен сочетания христианских и языческих обрядов, привлекает внимание историков. Процесс смены одной религиозной парадигмы другой занимает продолжительное время.

В статье современного отечественного исследователя Г.Г. Филиппова «К проблеме двоеверия»⁵¹ представлен развернутый историографический анализ проблемы двоеверия. Автор осмысляет то, как данный феномен интерпретировался в научной традиции XIX–XX веков. Он последовательно прослеживает эволюцию исследовательских подходов — от ранних

50

Двоеверы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1893. — Т. X. — С. 185.

Филиппов Г. Г. К проблеме двоеверия. Историографический анализ // Вестник НовГУ. 2004. №27.

позитивистских и просветительских трактовок, видевших в двоеверии признак «отсталости» народного сознания, к более сложным культурологическим и философским концепциям, рассматривающим его как закономерную форму синтеза различных мировоззренческих систем.

Отправной точкой рассуждений становится тезис о том, что с проникновением христианства на древнерусскую почву не произошло немедленного вытеснения язычества: письменные источники фиксируют устойчивое сосуществование двух религиозных традиций, проявлявшееся как в обрядах, так и в повседневной практике, когда одни и те же люди одновременно участвовали в церковной жизни и сохраняли прежние культы, что образовывало особую систему «дуализированного единства». Обращаясь к наследию А.П. Щапова, автор показывает, что уже в XIX веке была выдвинута идея постепенной и длительной христианизации, при которой народное сознание не разрушалось, а адаптировало новую веру, преобразуя её в синтетическую форму, где языческие представления продолжали функционировать под христианскими именами; вместе с тем позитивистская установка Щапова приводила к оценке этих процессов как признаков неразвитости.

Дальнейший анализ трудов Е.В. Аничкова, Н.М. Гальковского и Любора Нидерле демонстрирует расхождения в объяснении причин устойчивости языческих элементов: от представлений о слабом знании христианского вероучения и пассивности народной массы до акцента на активном сопротивлении волхвов и жреческих кругов. При этом подчеркивается, что христианство нередко заимствовало функции прежних культов, что облегчало его восприятие и способствовало переосмыслению старых образов в рамках новой религиозной символики. В работах Б. А. Рыбаков двоеверие трактуется как следствие структурного сходства языческих и христианских представлений о мире, благодаря чему смена веры воспринималась прежде всего как изменение обрядовой формы, а не как радикальный мировоззренческий разрыв. Философское измерение

проблемы раскрывается через концепции А. Ф. Замалеева, для которого двоеверие становится источником формирования самобытной духовной традиции, и В.С. Соловьёв, акцентировавшего конфликт между внешним принятием христианства и внутренним сохранением языческого образа жизни. Существенный вклад в переосмысление термина вносят Ю. С. Степанов и С. Г. Проскурин, рассматривающие двоеверие как социально-культурное, а не психологическое явление, то есть как сосуществование в обществе двух нормативных систем, а не как раздвоенность индивидуального сознания; в этом ключе оно становится универсальной моделью переходных эпох, когда взаимодействуют различные стили мышления. Наконец, обращение к взглядам Г.В. Флоровского позволяет показать богословскую интерпретацию двоеверия как параллельного существования «дневной» и «ночной» культур, хотя сам Г.Г. Филиппов полемически дистанцируется от столь резкого противопоставления.

Г.Г. Филиппов заключает, что двоеверие следует понимать не как патологию или признак религиозной неустойчивости, а как закономерный механизм культурной преемственности, обеспечивающий интеграцию старых и новых ценностей в периоды смены мировоззренческих парадигм; тем самым феномен приобретает универсальный характер и рассматривается как постоянное состояние культуры в моменты исторических переходов, что позволяет переоценить роль языческого наследия в формировании русской духовности и отказаться от упрощённых схем «борьбы» и «вытеснения» в пользу модели сложного и продуктивного синтеза.

Оценка взгляда на двоеверие в советской историографии осуществлена исследователями А.В. Демидовой и Д.А. Кирилловым в

с

т

а

52

Демидова А. В., Кириллов Д. А. Феномен «двоеверия» в советской историографии // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2022. № 3(44).

б

е

эволюции научных подходов к проблеме взаимодействия язычества и христианства в Древней Руси в условиях идеологически заданной советской науки. Авторы производят периодизацию подходов к проблеме двоеверия.

Авторы последовательно показывают, что само понятие двоеверия вошло в научный оборот ещё в дореволюционный период, однако именно в советское время его интерпретация оказалась тесно связана с политическим контекстом, государственным атеизмом и сменой методологии, когда наряду с письменными источниками активнее стали использоваться археологические и этнографические данные.

Для раннего периода 1917–1930-х гг. характерно почти полное отсутствие систематических работ по язычеству и двоеверии вследствие антирелигиозной направленности научной политики, при этом заметное место занимает концепция Н.М. Никольского, который трактует двоеверие как форму борьбы христианства с язычеством, сопровождавшуюся насилием и идеологическими уступками со стороны миссионеров, и объясняет его непониманием народом сложной христианской догматики и адаптацией церковной практики к традиционным культам.

Второй этап — 1940–1960-е гг. — характеризуется снижением интереса к теме и эпизодическими упоминаниями феномена в рамках общекультурных исследований, что авторы связывают с временным смягчением отношения государства к церкви и отсутствием новой источниковой базы; показателен пример Б.Д. Грекова, который рассматривает двоеверие как синкретическую, а не двойственную систему, но не делает его предметом самостоятельного анализа.

Наиболее плодотворным оказывается третий этап 1970–1991 гг., когда в научный оборот активно вводятся археологические материалы и формируются развернутые концепции. Центральное место здесь занимают работы Б.А. Рыбакова, для которого двоеверие предстает не механическим смешением вер, а осознанной и устойчивой системой народной религиозности, различной в городе и деревне и обусловленной структурной

близостью язычества и христианства; А.Г. Кузьмина, интерпретирующего двоеверие как разграничение сфер влияния двух религий и связывающего его преодоление с политической централизацией; Г.Г. Прошина, подчеркивающего региональные различия христианизации и длительное сосуществование традиций; Б.В. Раушенбаха, рассматривающего явление как краткий переходный этап; О.М. Рапова, объясняющего его непрочностью княжеской власти и локальными особенностями крещения; Н.С. Гордиенко, акцентирующего насильственный характер христианизации и выделяющего открытые и скрытые формы двоеверия; М.Ю. Брайчевского, подчеркивающего длительность и многоэтапность самого процесса крещения Руси и дискуссионность традиционных датировок. Сопоставление этих подходов позволяет авторам показать, что советская историография не была однородной: при общей атеистической рамке она выработала несколько конкурирующих моделей объяснения — от трактовки двоеверия как следствия насилия и неосведомленности до понимания его как закономерного культурного синтеза и формы адаптации новой религии.

Авторы приходят к выводам о том, что методология исследований феномена двоеверия на Руси основывалась на политической конъюнктуре, расширении археологической базы и переосмыслении методологии, а само двоеверие в трудах советских историков предстает не маргинальным пережитком, а устойчивым историко-культурным феноменом, отражающим сложность и постепенность христианизации, что превращает советский этап в важную подготовительную стадию для современных интерпретаций проблемы.

Таким образом, феномен двоеверия следует рассматривать не как признак религиозной «неполноценности» или поверхностного усвоения христианства, а как закономерный и длительный этап культурной эволюции древнерусского общества, при котором новая религиозная система не вытесняла прежние представления, а взаимодействовала с ними, формируя устойчивые синкретические формы народной веры.

Историографический анализ, проведённый Г.Г. Филипповым, показывает постепенный переход научной мысли от оценок двоеверия как проявления отсталости к его пониманию как механизма культурной преемственности и способа интеграции различных мировоззренческих традиций.

В свою очередь, исследование А.В. Демидовой и Д.А. Кириллова демонстрирует, что в советской историографии трактовки данного явления во многом определялись политико-идеологическими условиями эпохи, однако именно в этот период была существенно расширена источниковая база и выработан спектр концепций — от модели насильственного конфликта до идеи органичного культурного синтеза.

В совокупности это позволяет заключить, что двоеверие являлось естественной формой адаптации христианства к местной традиции и важным фактором формирования самобытной духовной культуры Руси.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое нами исследование последовательно реализует заявленную цель — комплексный историографический анализ изучения проблемы Крещения Руси в современной отечественной науке 1991–2025 гг. и выявление основных направлений, концепций и методологических подходов в интерпретации предпосылок, хода и последствий христианизации. Решение поставленных задач позволяет систематизировать широкий круг научных публикаций и проследить эволюцию исследовательских взглядов, показать внутреннюю неоднородность современной историографии и определить её ключевые тенденции.

В ходе работы были рассмотрены трактовки ранних этапов проникновения христианства на Русь, что позволило обосновать вывод о расширении хронологических рамок христианизации и отказе от представления о 988 г. как единственном и мгновенном акте обращения страны. Анализ дискуссий о деятельности первых князей-христиан, а также о роли князя Владимира показал, что современные исследователи рассматривают Крещение Руси преимущественно в политическом, дипломатическом и культурно-цивилизационном контексте, отходя от упрощённых летописных схем и конфессионально окрашенных интерпретаций. Это свидетельствует о переходе от нормативно-описательных моделей к источниковедческой критике и укреплению позиций сравнительно-исторического подхода.

Отдельное внимание уделено изучению работ, посвящённых становлению церковной организации и феномену двоеверия. Их сопоставление позволило показать, что по мнению ряда современных отечественных историков христианизация носила длительный, постепенный и регионально неоднородный характер, а сосуществование языческих и христианских элементов являлось естественной формой культурной адаптации, а не признаком религиозной нестабильности. Тем самым в современной историографии утверждается представление о

синтетическом и многоуровневом характере религиозных процессов, тесно связанных с социально-политическим развитием государства.

Выполнение задач по выявлению методологических особенностей показало, что современная наука опирается на расширение источниковой базы — археологические, этнографические и текстологические данные, междисциплинарные методы, достижения культурологии и социальной истории. Это обеспечивает более комплексное и критическое осмысление проблемы по сравнению с предшествующими этапами историографии, прежде всего дореволюционным и советским, где исследования нередко были ограничены идеологическими или конфессиональными рамками.

В совокупности полученные результаты позволяют заключить, что поставленная цель исследования достигнута: осуществлена систематизация и обобщение современных научных подходов, выявлены основные дискуссионные узлы и концептуальные модели, определены тенденции развития современной отечественной историографии. Исследование демонстрирует, что в современной отечественной науке Крещение Руси рассматривается не как единичное событие, а как сложный и многоэтапный процесс культурной и институциональной трансформации общества, что свидетельствует о формировании зрелой, критически ориентированной исследовательской традиции и создаёт прочную основу для дальнейших исследований данной проблематики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

Источники:

- амятники российской словесности XII в. / под ред. А. В. Калайдовича. – М. : Тип. С. Селиванского, 1821. – С. 3.
- овесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 1999.

Литература:

- йбабин А. И. Противостояние Византии и Древней Руси в Крыму в конце х в // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2019. №24. – С.454-463
- лексеев Сергей Викторович Первичная и вторичная источниковая традиция в образе князя Владимира // Историческое обозрение. 2018. №19.
- ндреев М. С. Генезис церковной иерархии на Руси // Сретенская духовная академия Русской Православной Церкви. 2025. № 4–3. С. 113–122. УДК
- ндрейчева М. Ю. Сюжет изгнания Перуна в статье 6496 г. Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65).
- елова О. В., Петрухин В. Я. Фольклор и книжность: Миф и исторические реалии. – М. : Наука, 2008.
- елосова А. Д. Вопрос о религиозной деятельности княгини Ольги в советской и современной историографии // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». – 2023. – № 3 (50). – С. 33–38.
- утров Д. А. Корсунская легенда в русской историографии // Потемкинские чтения : материалы VIII Всероссийской научной

конференции с международным участием (Севастополь, 23–24 октября 2024 г.). – Севастополь, 2024.

ахрушева К. К. Княгиня Ольга в отечественной историографии второй половины XVIII – первой половины XIX века // Европа в средние века: Общество. Власть. Культура : материалы Всероссийской с международным участием конференции молодых ученых. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2017.

ахрушева К.К. (г. Ижевск). Княгиня Ольга в отечественной историографии второй половины XVIII — первой половины XIX века - Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 28-29 ноября 2017 г. -И ж евск : Институт компьютерных исследований, 2018

ербина В. Н. Название статьи // Эволюция российского права: материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2021. С. 135–142.

альковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. – М., 1913–1916. Т. 1–2.

олубинский, Е. Е. История русской церкви : в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 851.

рязнова О. А. Современная отечественная историография о проблеме крещения княгини Ольги: традиция и новаторство // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2014. № 3. С. 9–14

рязнова О. А. Современная отечественная историография о проблеме крещения княгини Ольги: традиция и новаторство // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». – 2014. – № 3.

Двоеверы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1893. — Т. X. — С. 185.

Демидова А. В., Кириллов Д. А. Феномен «двоеверия» в советской

историографии // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2022. №

Калынюк Д. М. Крещение Аскольда и Дира и его роль в политической борьбе на Руси во второй половине IX века // Потемкинские чтения: материалы VI Международной научной конференции. – Севастополь,

Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. М., 1989. Т. 1.
арсавин, Л. П. Очерки средневековой религиозности // История ересей. М., 2007. С. 253, 254

ауркин Р.В. Внешнеполитические планы князя владимира и введение христианства на Руси // Исторический формат. 2016. №2 (6).

лейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. – СПб. : Евразия, 2004.

лимов Евгений Викторович К вопросу о продолжительности и периодизации христианизации Древней Руси // Вестник ЧелГУ. 2009. №16.

овалев В.В. КРЕЩЕНИЕ РУСИ В 988 Г. И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ // Caucasian Science Bridge. 2020. №4 (10).

оролев А. С. К вопросу об участии моравян в христианизации Руси во времена княгини Ольги // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2021. № 2 (14). С. 6–36.

оролёв А.С. Загадки первых русских князей. – М.: Вече, 2002. – 480 с.

решение княгини Ольги и ее деятельность по распространению христианства на Руси / Аркадий (Лозовский), иеромонах // Православие в Карелии. – Петрозаводск, 2016. – С. 386-401. – Рез. англ. – Библиогр. : с. 400- 401.

.А. Лушников. Антиязыческие произведения XI- XIII веков как разновидность дидактической литературы в Древней Руси // Вестник БГУ. 2016. №4 (30). – с.88

етель Ольга Вадимовна Проблема происхождения христианства в советской историографии 1940-х годов: взаимодействие «Старых» и «Новых» классиков // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №3 (20).

илуков, П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. М., 1994. Т. 2, ч. 1. С. 23.

азаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

овосельцев, А. П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в средние века // Вопр. истории. 1989. № 9. С. 31.

ервушин М. В. Информационная война в древней Руси // Вестник славянских культур. 2016. №3

етров Н. И. О христианском имени киевского князя Аскольда // Вестник СПбГУКИ. – 2011. – № 12. – С. 169–177.

олное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.,

оляков Александр Николаевич ПОХОД НА КОРСУНЬ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КРЕЩЕНИЯ РУСИ // Манускрипт. 2021. №9.

риселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI– XII вв. СПб.: Наука, 2003. 248 с.

узанов Д.В. в статье «Выбор веры» в Повести временных лет: стереотипы конфессионального восприятия в древнерусском обществе // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. №3.

усская церковь в IX -- первой трети XII в. Принятие христианства. - Издание 2-е, исправленное и дополненное. - М.: "Русская панорама", 1998. – 416 с. – С.76-88

ыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.:АиФ Принт, 2003. – 448 с.

ыбаков, Б. А. Стригольники – русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 34.

- ветлов Р. В. Античные ноты крещения Руси // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. №3. – С.155-160
- оловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 18 т. М., 1993. Т. 3. С. 58–59;
- едотов, Г. П. Святыя Древней Руси. М., 2003. С. 104.
- илиппов Г. Г. К проблеме двоеверия. Историографический анализ // Вестник НовГУ. 2004. №27.
- омина Т.Ю. Русские епископии эпохи Владимира Святославича // Палеоросия. 2015. №3.
- роянов, И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 72.
- ахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб.: Тип. Императорской АН, 1906. 128 с.